

СУПРУНЕНКО А.Б.

ФЁДОРОВСКИЙ ИДОЛ И КУРГАН

Супруненко А.Б.

**ФЁДОРОВСКИЙ
ИДОЛ И КУРГАН**

Киев-Полтава
2011

The Centre for Study of Sites and Monuments of the NASU
and the Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Sites
The Centre for Protection and Study of Archaeological Sites
of the Department of Culture of the Poltava Regional State Administration

Suprunenko A.B.

THE IDOL AND THE BARROW OF FEDOROVKA

Kiev-Poltava
2011

Центр памятниковедения Национальной Академии наук Украины
и Украинского Общества охраны памятников истории и культуры
Центр охраны и исследований памятников археологии
управления культуры Полтавской облгосадминистрации

Супруненко А.Б.

ФЁДОРОВСКИЙ ИДОЛ И КУРГАН

Киев-Полтава
2011

УДК 903.5 (477.53) «-2»
ББК 63.4 (4 УКР-4 Пол.)
С 89

Печатается по решению Учёного совета Центра памятниковедения
Национальной Академии наук Украины и Украинского Общества
охраны памятников истории и культуры (протокол № 7 от 21 июня 2011 г.).

Рецензенты:

Ковалёва И.Ф., доктор исторических наук, профессор,
заслуженный профессор Днепропетровского национального
университета им. О. Гончара

Вадимов В.М., доктор архитектуры, академик Академии архитектуры Украины,
профессор Полтавского национального технического
университета им. Ю. Кондратюка

Титова Е.Н., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
директор Центра памятниковедения НАН Украины и УООПИК,
заслуженный работник культуры Украины

Супруненко А.Б.

С 89 **Фёдоровский идол и курган.** — Киев-Полтава, 2011. — 84 с., 4 вкл. — (На-
циональная Академия наук Украины. Центр памятниковедения НАН
Украины и УООПИК. Центр охраны и исследований памятников археоло-
гии управления культуры Полтавской облгосадминистрации).

ISBN 978-966-8999-38-3

В издании анализируются материалы раскопок археологического памятника фи-
нала раннего бронзового века в Левобережном Поднепровье — Фёдоровского кургана,
исследованного в Карловском районе Полтавской области, с которым связана находка
идола с богатой иконографией второй четверти II тыс. до н.э. Приводится описание
и интерпретация изображений выдающегося образца культовой монументальной
пластики степного населения эпохи бронзы — Фёдоровского идола, а также данные
о новых находках статуарных монументов в Днепровской левобережной террасовой
Лесостепи междуречья Псла и Ворсклы.

Для археологов, историков религии и древнего искусства, преподавателей вузов и
студентов, краеведов.

У виданні аналізуються матеріали розкопок рідкісної археологічної пам'ятки фіна-
лу раннього бронзового віку в Лівобережному Подніпров'ї — Федорівського кургана,
дослідженого в Карлівському районі Полтавської області, з яким пов'язана знахідка
ідола з багатою іконографією другої чверті II тис. до н.е. Наводиться опис й інтер-
претація зображень видатного взірця культової монументальної пластики степового
населення епохи бронзи — Федорівського ідола, а також дані про нові знахідки стату-
арних монументів в Дніпровському лівобережному терасовому Лісостепу межиріччя
Псла та Ворскли.

Для археологів, істориків релігії та стародавнього мистецтва, викладачів вузів і сту-
дентів, краєзнавців.

ББК 63.4 (4 УКР — 4 Пол)

ISBN 978-966-8999-38-3

© Супруненко А.Б., 2011
© Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК, 2011
© Центр охраны и исследований памятников археологии
управления культуры Полтавской облгосадминистрации, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Прошло уже более 20 лет со времени проведения раскопок одного из редчайших кульгово-погребальных комплексов, располагавшегося в Полтавском Поорелье, – Фёдоровского кургана. Несмотря на наличие значительного числа публикаций, Фёдоровский курган оставался практически неизвестным, а основное внимание археологов привлекал Фёдоровский идол – уникальная богато орнаментированная стела эпохи бронзового века, найденная у его насыпи (*Памятники, 1985, с. 13-14, № 41; Супруненко, 1986а, с. 51: фото; 1991, с. 153-160; Ковалёва, 1989, с. 42; Шилов, 1992, с. 18-28 и др.*).

Большинству исследователей присуще возвращение к темам своих прежних работ, особенно через довольно значительный промежуток времени после производства раскопок. Не является исключением и автор, для которого Фёдоровский курган оказался единственным археологическим объектом, который был исследован именно по его личной инициативе. Все остальные археологические памятники, оказавшиеся в поле зрения или раскопанные в ходе научно-охранных исследований, были следствием необходимости проведения спасательных или охранных работ, производились по заданию Института археологии НАН Украины, Полтавского краеведческого музея, Центра охраны и исследований памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации. К слову, Фёдоровский идол оказался первой и наиболее яркой находкой автора в ходе его становления как археолога и был перевезен исследователем в Полтавский музей весной 1978 г. (*Супруненко, 1979а, с. 3; 1979б, с. 4; вкл. III: 3*). Первая публикация о находке Фёдоровского идола, подготовленная в 1978-1981 гг., смогла увидеть свет в журнале «Советская археология» только в 1990 г., при поддержке С.А. Плетнёвой (*Супруненко, 1991*), информация же о раскопках Фёдоровского кургана опубликована в узкорегиональных изданиях (*Супруненко, 1990; 1990а, с. 80-86*).

Неудивительно, что неординарность памятника и комплекса отпугивала возможных соавторов, которые опасались «неприличности» некоторых сюжетов, возможности приведения в публикации результатов анализа календарной графики, в конце концов, интерпретации сюжетов изваяния в ключе содержания ведических мифов. Всё это выглядело идеологически и политически неблагонадёжным, могло привести к соответственным оргвыводам в то далеко не простое время... Таким образом, материалы уникального археологического комплекса не получили широкой огласки, а существовавшие публикации, вполне удовлетворявшие нескольких коллег, не были известны большинству исследователей. Таким образом, подготовленная работа призвана заполнить незаслуженный информационный вакуум вокруг Фёдоровского кургана и идола.

1.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА В ПРАВОБЕРЕЖНОМ ПРИОРЕЛЬЕ

На территории современной Полтавской области находятся остатки более 12000 древних курганов (Супруненко, 2004, с. 81). В настоящее время сохранились более или менее различимые следы 6500 из них, которые входят в состав курганных групп либо расположены как отдельно стоящие насыпи. Все они зафиксированы и обследованы в ходе археологических исследований последних лет (Перелік, 2010, 174 арк.). Среди этого множества археологических объектов есть и немало уникальных, примером чего может являться публикуемый археологический комплекс.

Он располагался в правобережном Поорелье (рис. 1), где на территории современной Полтавской области находится не менее 2000 курганов. Около 20% из них повреждено селитроварами XVII-XVIII вв., значительная часть практически полностью распахана. Археологически же исследованных курганов в этом регионе насчитываются единицы. Их всего лишь 4. Из них 2 – в целом ординарные погребальные объекты, материалы раскопок которых уже введены в научный оборот (Кулатова, Супруненко, 1999, 32 с.); ещё 2 – далеко не ординарные. Каждый из них может заслуживать отдельного монографического исследования, посвященного материалам раскопок этих памятников. Отметим, правда, что ряд отдельных погребальных комплексов, происходящих из названных курганов, уже опубликован (Супруненко, 1998, с. 41-43; Білоусько, Супруненко, 2004, с. 16: рис. 11, 89).

Предлагаемая читателю работа призвана восполнить существовавший до настоящего времени пробел в информации о Фёдоровском кургане и Фёдоровском идоле в Поорелье. Кстати, это единственный археологически исследованный курган по течению правобережного притока

Рис. 1. Карта-схема местонахождения Фёдоровского кургана и идола.

Орели – р. Орчика. Он оказался далеко не обычным и пока является единственным культовым комплексом эпохи раннего бронзового века в пределах современной Полтавщины, исследованным в последней четверти XX ст.

Уникальность Фёдоровского кургана, выявление рядом с ним Фёдоровского идола (*Супруненко, 1990а; 1992а, с. 934*), и послужили поводом к публикации этой работы. Её цели – ввести в научный оборот и проанализировать результаты исследований памятника, который связан с находкой одного из наиболее иконографически насыщенных и информативных идолов эпохи бронзового века в Среднем Поднепровье.

Раскопки Фёдоровского кургана произведены под руководством автора, в то время заведующего сектором археологии отдела фондов Полтавского краеведческого музея, председателя секции памятников археологии Полтавской областной организации Украинского Общества охраны памятников истории и культуры, весной 1988 г. в качестве специального научно-охранного проекта Полтавской областной организации УООПИК.

В этих исследованиях принимали участие научный сотрудник сектора охраны памятников археологии при Полтавском краеведческом музее *И.Н. Кулатова*, студент исторического факультета Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко *Д.И. Левченко* и полтавский краевед *Д.С. Ильченко*. Раскопки произведены при содействии председателя Фёдоровского колхоза «Авангард» *В.И. Тололо*. Всем им автор приносит искреннюю благодарность за посильный вклад в дело изучения этого памятника.

Для производства работ использовались несколько типов землеройной техники, в частности – бульдозеры ДТ-64, Т-75 и экскаватор-бульдозер «ЮМЗ».

Антропологические определения останков погребённых произведены доктором исторических наук, известным украинским антропологом *С.П. Сегедой* и кандидатом медицинских наук, антропологом *С.А. Горбенко*. Костные останки животных определены кандидатом ветеринарных наук, доцентом в то время Полтавского сельскохозяйственного института *М.В. Лысенко*. Раскопки кургана посещали первый секретарь Полтавского обкома КП Украины, кандидат сельскохозяйственных наук *Ф.Т. Моргун*, руководители исполнительных органов Полтавского облисполкома и Карловского райисполкома.

Коллекция находок передана на постоянное хранение в Полтавский краеведческий музей (*Акт от 17.04.1990 г., инв. №№ А. 67677-67682*), часть развала одного из срубных сосудов хранится в собрании Историко-

культурного заповедника «Бельськ» (*Инв. № ИКЗ «Бельськ» КП 540-543, А. 266-269*).

Полевая документация и авторские копии полевой отчётности находятся в научных архивах Полтавского краеведческого музея, а также Центра охраны и исследований памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации (*НА ПКМ, ед. хр. 03-282, 03-283; НА ЦОИПА, ф.э., ед. хр. 239-240*), оригиналы научно-отчётной документации хранятся в Научном архиве Института археологии НАН Украины (*НА ИА НАНУ, ф. э., 1988/136, №№ 23172, 23173*).

2. ФЁДОРОВСКИЙ КУРГАН

Исследованный весной 1988 г. курган находился в 1,35 км к юго-востоку от села Фёдоровка Карловского района Полтавской области. Он располагался на второй террасе левого берега р. Орчик – правого притока р. Орель (рис. 1), находясь к юго-востоку от сравнительно крупной курганной группы II (Супруненко, Гавриленко, 1986, с. 57), разбросанной на возвышениях двух первых террас к югу от села (Кулатова, Супруненко, 1987, с. 8-12), занимая отдалённое от неё и довольно заметное возвышение (рис. 1-3).

Группа курганов II, состоящая из 16 распахиваемых насыпей высотой 0,4-1,6 м и диаметром 24-45 м, расположена в 0,4-2,0 км к югу от села, по обе стороны шоссе сс. Фёдоровка – Климовка, на левом берегу р. Орчик, высотой 4-11 м над уровнем поймы реки (Супруненко, 1990, с. 14). Курганы осматривались А.К. Тахтаем в 1927 г. и Г.А. Сидоренко в конце 1960-х гг. (Тахтай, 1928, с. 283; Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 51). Впрочем, ни одна из насыпей не привлекла внимания исследователей.

По свидетельству механизаторов существовавшего до конца XX в. коллективного сельскохозяйственного предприятия «Авангард», в 1973 г. в 35-50 м к северо-востоку от кургана была выпажана стела с богатой иконографией эпохи раннего металла, перевезенная через год во двор местной средней школы. Ныне она экспонируется в Полтавском краеведческом музее (ПКМ, инв. № А. 2371; Супруненко, 1988, с. 4-5). Близость местонахождения стелы и кургана, сравнительная отдаленность соседних насыпей позволили связать эти два памятника (рис. 1). Через несколько лет это и послужило поводом для проведения раскопок кургана, содействие в осуществлении которых оказал известный общественный деятель, аграрий и писатель, в то время первый секретарь Полтавского обкома КПУ Ф.Т. Моргун.

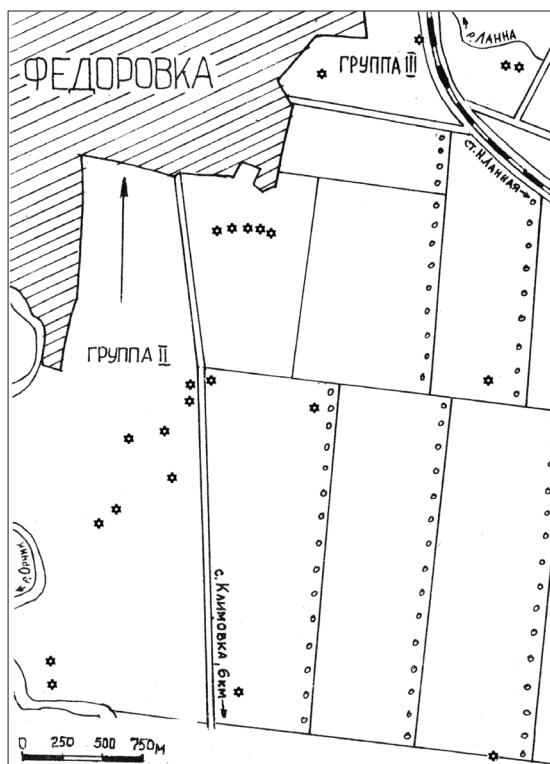

Рис. 2. Схема расположения курганов у с. Фёдоровка (по результатам разведок 1986-1987 гг.).

Насыпь кургана распаивалась, но ко времени начала раскопок сохранила правильную округлую форму, в профиле имевшую сегментовидные очертания. На поверхности попадались измельченные вспашкой фрагменты стенок лепных сосудов срубного облика (вкл. I: 1; рис. 4).

Нивелированная высота кургана составляла 1,32 м, его диаметр — 38 м. Визуально различимых следов ровика или углубления от выемки грунта вокруг насыпи не прослеживалось.

Стратиграфия. Курган сооружался в несколько приёмов. Сначала над основным «погребением» 5 была возведена черноземная насыпь I, диаметром 22 м и высотой 0,95 м (рис. 4). Её контуры хорошо прослеживались, отличаясь окраской чернозема, утоптанностью поверхности, наличием белесого тлена растительности, тонкой прослойкой суглинкового натопта от выкида впускного «погребения» 3. Поверхность насыпи I была сплошь усеяна мелкими комочками охры местного происхождения (Кулатова, Супруненко, 1988, с. 71), угольками, измельчёнными костями животных.

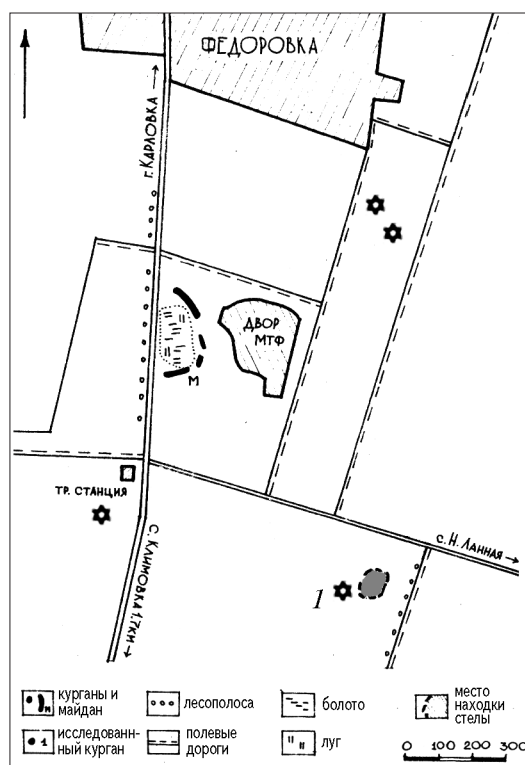

Рис. 3. Схема местонахождения Фёдоровского кургана (1988 г.).

В дерновом слое первичной насыпи найдены фрагменты второй пястной кости и грудного позвонка лошади, обнаружено изделие из трубчатой кости животного в виде расширяющейся к основанию трубочки, верхний конец которой был ровно спилен, а нижний – обработан менее качественно (заметны сколы и изломы) (рис. 5: 9). Изделие, предположительно, может являться деталью духового музыкального инструмента типа «флейты Пана» (Супруненко, 1990, с. 28) или же приспособлением для увеличения надоев молока (Галкин, 1975; Шилов, 1995, с. 248). Его длина – 3,4 см, диаметр спиленного конца – 1,2 x 1,5 см. Аналогичные костяные изделия, например, происходят из ямного погребения 4 кургана № 3 у с. Прилипка Козельщинского района Полтавской области на Нижнем Псле (Памятники, 1985, с. 10, №№ 30-33; Супруненко, 2007, цвет. вкл. VI после с. 52). Выявлены они и в ряде подкурганых погребений ямных и раннекатакомбных племён Восточноевропейских степей (Ковалёва, 1984, с. 94, 99, рис. 14: 6; Мешкерис, 2001, с. 110-114; Пустовалов, 2005, с. 100; Тоцев, 2007, с. 49, 50, рис. 19: 5-7). Ю.А. Шиловым в связи с этой находкой сделано предположение, базирующееся на обоснованных С.В. Ивановой археологических и этнографических данных (Ивано-

ва, 1990, с. 58-59), связи круга таких предметов с сакрализацией доения, магическим его антуражем, и «с почитанием солнечной кобылицы или скакуна, несущего Вишну – Индру», хотя и не отрицается возможная принадлежность к детали музыкального инструмента (Шилов, 1992, с. 20-21; 1995, с. 248). Наличие подобных изделий и их наборов в ямных комплексах восточного региона рассматривается исследователями как поздний хронологический признак (Мерперт, 1974, с. 67), а в Орельско-Самарском междуречье такие находки происходят из позднеямных погребений третьего-четвертого стратиграфических горизонтов, «откуда переходят в катакомбные комплексы» (Ковалёва, 1984, с. 99).

У пол насыпи I выявлены мелкие обломки стенок лепных сосудов катакомбной культуры, с редкой примесью ракушки и мелкого песка в тесте (рис. 4: к).

Насыпь I с севера и юга окружал неглубокий ровик, шириной 0,4-0,8 м и глубиной до 0,4 м, имевший округлое, местами уплощенное дно (рис. 4). Его остатков с запада и востока прослежено не было, хотя наличие чернозёмного заполнения и затёков на уровне предматерика указывало на существование в древности этого углубления кольцевой в плане формы.

У восточной полы первичной насыпи обнаружены следы небольшого деревянного столбика, диаметром 6 см, находившегося на глубине 1,05-1,35 м (рис. 4) от уровня условного центра (дале – УЦ*). Столбик был установлен в массиве погребенной почвы и, возможно, являлся основанием некогда возвышавшегося над уровнем древнего горизонта шеста.

С совершением катакомбного «погребения» 3 насыпь кургана была подсыпана и получила близкие к современным исследованию очертания (насыпь II). В массиве насыпи II выявлены шейный и поясничный позвонки лошади. Сама же поверхность насыпи II, особенно на склонах, на 3-5 см была покрыта слоем материкового лесообразного суглинка желто-палевого цвета, в центре сохранившего следы воздействия огня (вероятно, непродолжительного обжига в большом кострище).

Видимо, с функционированием срубного могильника (захоронения 1, 2, 4 и 6) связаны еще несколько незначительных досыпок у вершины кургана, которые стратиграфически проследить не удалось из-за распушки верхней части насыпи.

Центральная часть кургана (насыпь, погребения 3 и 5) оказались повреждёнными крупной норой сурка. Сурчины обнаружены и в южной части насыпи (рис. 4).

---

* За условный центр принята высшая точка современной исследованию насыпи, от которой и велись отсчёты глубин и расстояний.

В кургане исследовано шесть погребений.

Погребение 1 (срубное) впущено в 4,15 м к северу и 5,20 м к западу от современной вершины кургана, на глубину 0,65 м от УЦ в массив насыпи II (рис. 4). Выявлены обломки черепа взрослого человека, угли, рядом с которыми находился перевернутый вверх дном острореберный горшок (рис. 5: 1; вкл. I: 2).

В 0,5 м к востоку от сосуда обнаружены остатки кострища, располагавшегося на глубине 0,5 м. Они представляли собой участок обожженного чернозема мощностью 5-10 см, с углями, фрагментами пережженной керамики, золой, кальцинированными костями животных, овальной в плане формы, размером 0,46 x 0,55 м (рис. 5: 1).

Находка. Лепной сосуд имеет отогнутый во внешнюю сторону край венчика, с намеченным изгибом с внутренней стороны (рис. 5: 2). Ребро находилось в верхней части горшка; дно с небольшой закраиной, плоское. Поверхность заглажена пучком травы, немного подлошена. Сосуд орнаментирован черной краской в процессе обжига: по ангобированной поверхности на тулово и венчик нанесены четыре подовальных пятна, размерами от 4,0 x 7,5 до 7,0 x 11,5 см. Они располагались на почти одинаковом расстоянии и при обнаружении оказались сориентированными по сторонам света. Дно также имело следы такой же окраски. От него между двумя пятнами вверх проведен узкий «луч» (вкл. I: 3).

Высота сосуда — 9,8 см, диаметры: венчика — 14,5 см, шейки — 13,2 см, корпуса по ребру — 15,2 см, дна — 9,1 см. Толщина стенок — 0,6-0,7 см. В тесте — мелкотолченый шамот. Из аналогий назовем срубные сосуды из погребений (по форме): погребения 1 кургана № 7 у с. Башмачка, насыпи кургана № 7 группы XIV у с. Верхняя Маевка Днепропетровской обл. (Ковалева, Волкобой, Марина, Лихачев, Попцов, 1977, с. 102, табл. 5: 5; Волкобой, Лихачев, Шалобудов, Андросов, 1981, с. 55, рис. 3: 2), погребения 3 кургана № 6 у с. Прилипка Козельщинского района Полтавской обл. (Памятники, 1985, с. 21, № 69) и ряд др.

Погребение 2 (срубное) располагалось в массиве насыпи II, у её вершины, в 0,75 м к югу и 5,15 м к западу от УЦ, на глубине 0,56 м (рис. 4). По вкраплениям древесного тлена в заполнении очерчивался юго-восточный угол ямы, подпрямоугольной в плане формы (рис. 5: 3). Подобный факт свидетельствовал о наличии в древности сруба или, по крайней мере, деревянного перекрытия могилы. В заполнении — сильно уплотнённый чернозем с мелкими углями и кусочками дерева. Судя по сохранившемуся участку, дно ямы было ровным.

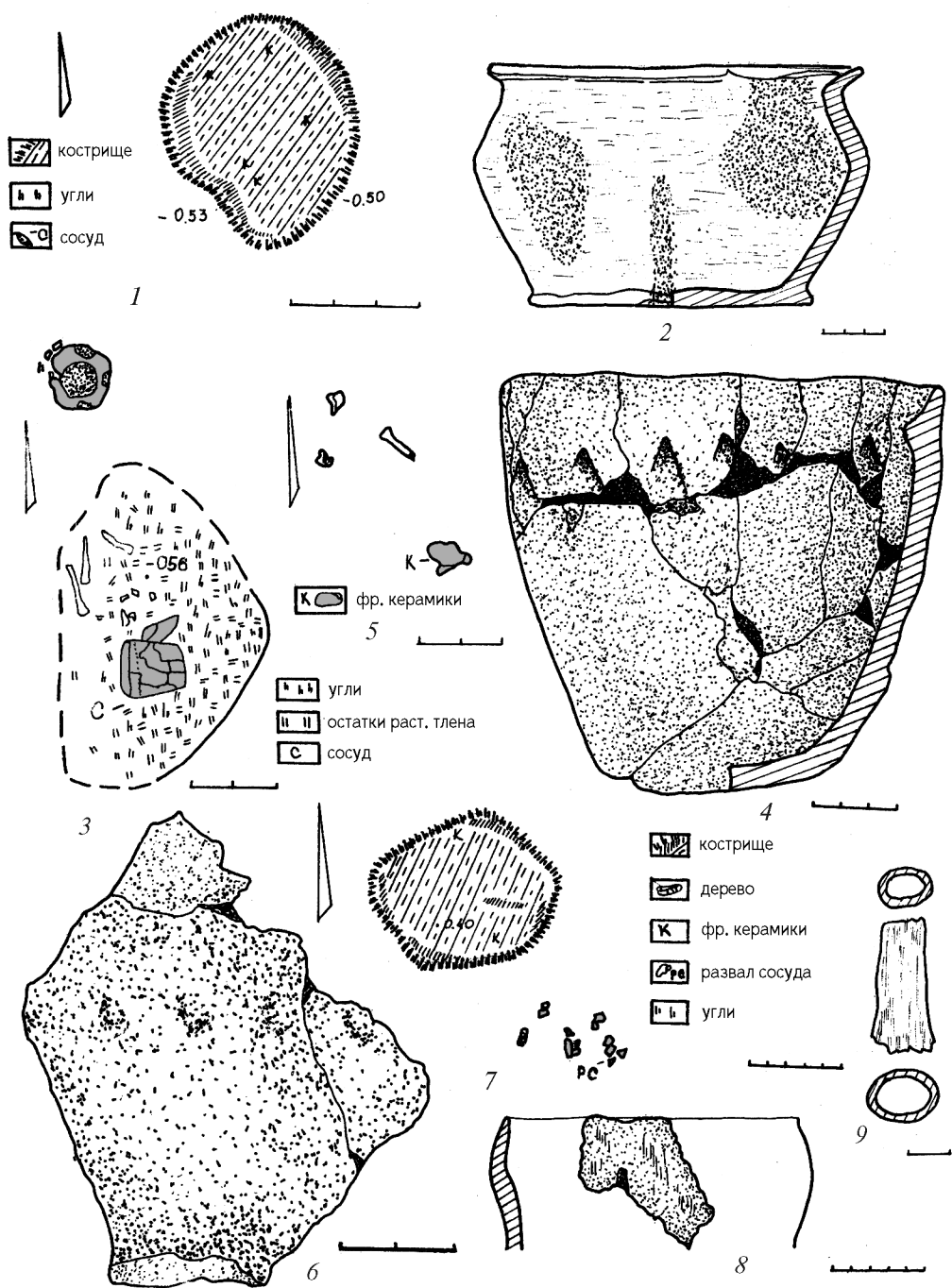

Рис. 5. Фёдоровский курган. Планы и материалы срубных погребений, находки:

1-2 — погребение 1; 3-4 — погребение 2; 5-6 — погребение 4; 7-8 — погребение 6.

2, 4, 6 и 8 — керамика; 9 — кость.

Погребённый, мужчина в возрасте 40-45 лет, лежал головой к юго-востоку, скорченно, на левом боку. Обнаружены обломки костей черепа, рук, шейный позвонок. Под ними сохранились остатки растительной подстилки. У головы погребенного стоял лепной сосуд (рис. 5: 3; вкл. I: 4).

Находка. Лепной сосуд баночной формы (рис. 5: 4), с расходящимися кверху стенками в виде чаши, под прямым, утолщенным вовнутрь в виде манжета венчиком, был украшен рядом оттисков плоского подтреугольного штампа. Поверхность сосуда заглажена до лощения, дно — без следов копоти. Высота — 13,3 см; диаметры: венчика — 16,0 см, дна — 12,5 см. Толщина стенок — 0,7 см. В тесте заметны крошки шамота (вкл. I: 5). Сосуд принадлежит к наиболее распространенным типам лепной посуды срубного времени, в т. ч. обнаруженным в ходе раскопок курганов в окрестностях Комсомольска на Нижнем Псле (Супруненко, 2007, с. 81, рис. 87).

«Погребение» 3 (катакомбное) впущено в массив насыпи I на глубину 0,52 м, в 0,2 м к югу и 3,7 м к западу от УЦ, до уровня 2,39 м (рис. 4). Входной колодец — подовальной в плане формы, размером 0,8 x 1,3 м (северо-восток — юго-запад), с полого спускающимся к юго-востоку дном и отвесными стенками. К северо-западу от входной ямы, на поверхности насыпи I, располагался дуговидный в плане, утопанный суглинково-черноземный выкид, размером 1,4 x 4,1 м и мощностью 0,3 м (северо-восток — юго-запад) (рис. 4). От юго-восточной стенки входной ямы начинался дромос с лазом 0,45 x 0,85 м. Дромос невысоким «коридором» (до 0,5 м) опускался к отметке 2,11 м (рис. 6: I-2), образуя три пологих ступеньки различной ширины и высоты. Последняя двускатная ступенька соединялась с полукруглым сводом и стенкой погребальной камеры. Свод камеры обрушился в древности.

Камера представляла собой подпрямоугольное в плане сооружение, вырытое в материке, размером 1,1 x 2,2 м (площадь — 2,4 кв. м), с дном на глубине 2,39 м (северо-восток — юго-запад) (рис. 6: I; вкл. I: 6). Обращённые к югу углы камеры были закруглены, к северу — почти прямоугольны. Высота камеры от ровного дна составляла около 0,65 м. Поверхность стен была местами хорошо выровнена и покрыта мелкими ямками (2 x 2 см) — следами ударов какого-то землеройного инструмента. Протяженность катакомбы (северо-восток — юго-запад) — 3,1 м (рис. 6: I). Общая площадь погребального сооружения не превышала 4 кв. м.

В заполнении входного колодца преобладал чернозем (рис. 6: 2). Ниже, на глубине 0,75-1,3 м, находилась дерновая «пробка» — остатки

крупных дернин, перекрывавших лаз. На дне входного колодца и камеры, а также на первой ступеньке дромоса прослежена посыпка мелом.

В погребении-кенотафе никаких находок и остатков скелета человека не обнаружено. Вполне возможно, что они каким-то образом были вынесены землеройными животными или вынуты для перезахоронения в ином месте. Хотя, вероятнее всего, сооружение так и не предназначалось для совершения конкретного погребения.

Из заполнения входного колодца происходят поясничные и грудной позвонки, а также таранная кость заплюсны лошади (рис. 6: 1).

Погребение 4 (срубное) находилось у вершины насыпи II на глубине 0,39 м, в 1,05 м к северу и 1,8 м к востоку от УЦ (рис. 4), разрушено вспашкой. Обнаружены фрагменты плечевой кости руки молодого человека, обломок таза и позвонок, а также фрагмент стенки лепного сосуда (рис. 5: 5).

Находка. Стенка лепного горшка баночной формы, с неровной заглаженной поверхностью, со следами копти на внешней стороне, толщиной 0,6 см (рис. 5: 6).

«Погребение» 5 (ямно-катакомбное-?, основное) обнаружено у центра кургана, в 0,2 м к западу от УЦ, на глубине 2,22 м (рис. 4). Было совершено в материковой, подпрямоугольной в плане яме, размером 1,55 x 2,10 м (северо-восток — юго-запад), опущенной с уровня древней поверхности на 0,92 м (рис. 6: 3).

Яму широким, широтно ориентированным кольцом окружал черноземно-суглиновый выкид размером 5,6 x 7,8 м и мощностью до 0,4 м. На древней поверхности, в основании выкида, выявлены части тел грудных позвонков лошади и поясничные позвонки овцы; под массивом выкида — венечная кость фаланги пальца лошади. На поверхности выкида встречались обломки мелких костей животных и угольки (рис. 4).

В заполнении ямы выделялись участки с преобладанием чернозема значительной плотности. Видимо, в древности яма была хорошо утоптана после засыпки. Несколько позже, с возникновением сурчины, в образовавшиеся пустоты обрушился более рыхлый чернозем насыпи и суглинок выкида. Остатков перекрытия не выявлено.

Стенки ямы отвесные, дно — ровное, изрыто землероями. Остатков погребенного и каких-либо находок не обнаружено (вкл. I: 7). Яма являлась своеобразным жертвенным комплексом или погребением-кенотафом. Продольные стенки сужались к западу, придавая яме в плане форму «стопы» (либо отдалённо антропоморфные очертания).

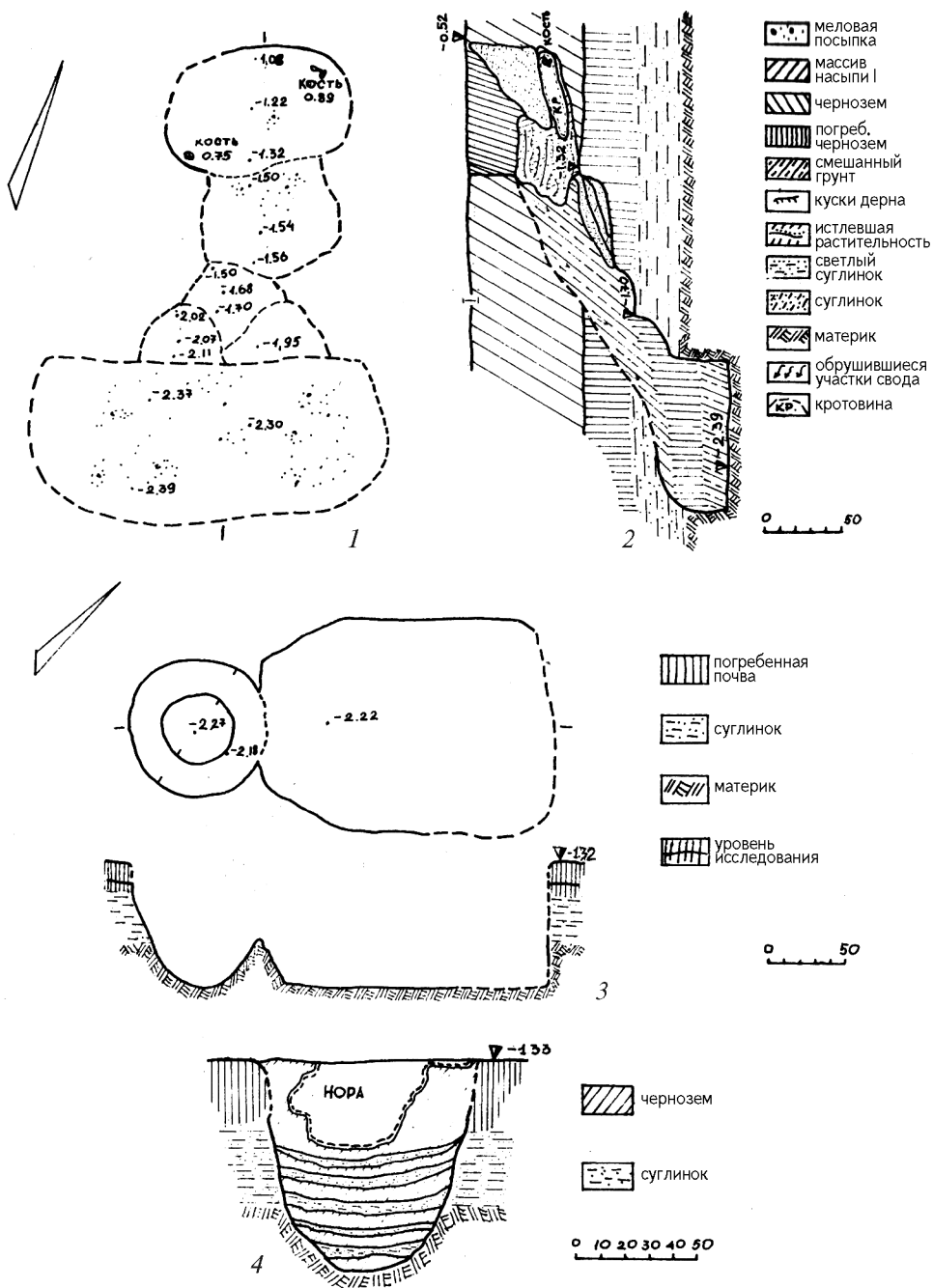

Рис. 6. Фёдоровский курган. Планы погребений и ям:

1-2 — погребение 3; 3-4 — погребение 5.

К юго-западной стенке этой ямы примыкала круглая в плане материковая яма, диаметром 1,0 м, также опущенная с уровня древнего горизонта на глубину 0,97 м (рис. 6: 3). Стенки плавно сужались книзу, переходя в округлое дно. В заполнении чередовались прослойки чернозема и суглинка толщиной 3-5 см, на поверхности которых отмечались следы увлажнения в виде затеков (рис. 6: 4). Всего прослежено пять пар таких прослоек.

Восточная часть стенки круглой в плане и юго-западная вытянутой ям смыкались. Границу между ними удалось проследить по материковой перемычке на глубине 1,95 м (рис. 6: 3). Круглая яма, имевшая, видимо, культовое предназначение, составляла с условно «погребальной» единый ритуальный комплекс.

К юго-западу от погребения, в сурчине выявлена третья пястная кость лошади.

Погребение 6 (срубное) выявлено в 2,2 м к северу и 3,6 м к востоку, на глубине 0,31 м от УЦ (рис. 4). Погребение повреждено вспашкой. Яма не прослежена. От скелета сохранились истлевшие кости черепа, пары позвонков и обломков ребер взрослого человека. К юго-западу от черепа находились обломки лепного горшка (рис. 5: 7), а в 0,55 м к западу — несколько углей. Рядом лежал истлевший кусок дерева от перекрытия. Возможно, погребенный располагался в юго-восточном направлении.

В 0,35 м к северо-западу от погребения, на той же глубине, обнаружены остатки кострища подовальной в плане формы, размером 0,70 x 0,90 м. Оно представляло собой плотное скопление углей, мелких кальцинированных костей животных, фрагментов керамики, золы, прокаленного грунта насыпи мощностью 5 см (рис. 5: 7).

Находка. Фрагмент лепного сосуда баночной формы, прямой венчик которого утончён и ровно срезан (рис. 5: 8). На корпусе обозначен сравнительно плавный изгиб. Поверхность горшка бугристая, но заглажена щепой местами до лощения. В тесте изредка заметны зёрна шамота. Диаметр венчика — около 15 см, толщина стенок — 0,6 см.

Таким образом, в кургане выявлен один ямно-катакомбный-? жертвенный комплекс, занимавший антропоморфную в плане яму, одно катакомбное погребение-кенотаф и четыре срубных захоронения. Никаких экстраординарных комплексов, уникальных находок не обнаружено, кроме следов выжженого покрытия верхней части насыпи II тонким слоем светлого суглинка (диаметром около 5,5-5,7 м) и остатков проведения каких-то ритуальных церемоний у вершины (зола, угли). Склоны

этого кургана также были укреплены от расползания своеобразной вязкой суглинковой «обмазкой» — конструктивным приёмом, использовавшимся в катакомбных насыпях, к примеру, в Днепровской Левобережной террасовой лесостепи низовьев Псла (Супруненко, 2007, с. 67).

Тем не менее, на вершине насыпи II кургана, вероятно, ближе к финалу катакомбного времени, было установлено антропоморфное изваяние, известное как Фёдоровский идол (Памятники, 1985, с. 13-14; Супруненко, 1986, с. 45; 1988, с. 4-5; Довженко, 1989, с. 67 и др.; Шилов, 1992, с. 25). Ритуальные действия со стелой привели впоследствии к её повреждению и «погребению» на краю или у полы насыпи (видимо, через незначительный срок после водружения на вершину кургана) (Формозов, 1980, с. 102-105). С появлением на берегах Орчика срубных племён стела могла быть незначительно перемещена от края насыпи. Ведь верхняя часть существовавшего кургана служила местом для размещения захоронений небольшого могильника, видимо, отдельной семьи кочевников эпохи позднего бронзового века, который и «завершил» окончательный этап использования кургана в степном Поорелье в качестве некрополя и культового комплекса (Супруненко, 2009, с. 654).

3. ФЁДОРОВСКИЙ ИДОЛ

Фёдоровский идол – яркий образец древнего монументального сакрального искусства, принадлежащий к группе стел с содержательной иконографией эпохи раннего металла (*Ричков, 1982, с. 64-69*), находки которых – редчайшее явление (*Супруненко, 1991, с. 153*). Обнаруженная при сельскохозяйственных работах и доставленная в Полтавский музей (*Супруненко, 1981, с. 3-4*) скульптура относится по типу к антропоморфным, с гравированными изображениями (*Формозов, 1965, с. 177-179*) (рис. 7; вкл. II), которые образуют наиболее малочисленную группу из примерно 20 изваяний, называемых стелами-статуями (*Телегин, Потехіна, 1998, с. 10*) или идолами (*Довженко, 2003, с. 4*).

Стела изготовлена из плиты крупнозернистого песчаника подпрямоугольной (условно – трапециеобразной) формы, немного сужающейся книзу. Типологически, по форме блока, – это тип II Г, по Е.Ю. Новицкому (*Новицкий, 1990, с. 22, табл. I*). Высота её – 133 см, наибольшая ширина в плечах – 51 см, в нижней части – 30 см, толщина – 15-21 см. Лицевая и обратная стороны – плоские, боковые – закруглены. Подшлифованная поверхность местами повреждена, детали изображений в отдельных случаях невыразительны (вкл. II).

Изображениями покрыта лишь верхняя часть стелы. Нижняя, высотой 40 см, отделена выступом в 2-3 см, утолщена и грубо обработана. Вытянутая форма, сужающийся конец и отсутствие рисунков на нём свидетельствуют о том, что стела устанавливалась в грунте в вертикальном положении (*Телегин, 1971, с. 3-4*), будучи основным элементом алтарного комплекса (*Телегин, Потехіна, 1998, с. 28, 29 та сл.*). Рисунки, нанесенные на стелу, выполнены при помощи, видимо, неширокого зубильца, с дальнейшей подшлифовкой поверхности скульптуры. Голова и правое плечо стелы отбиты в древности.

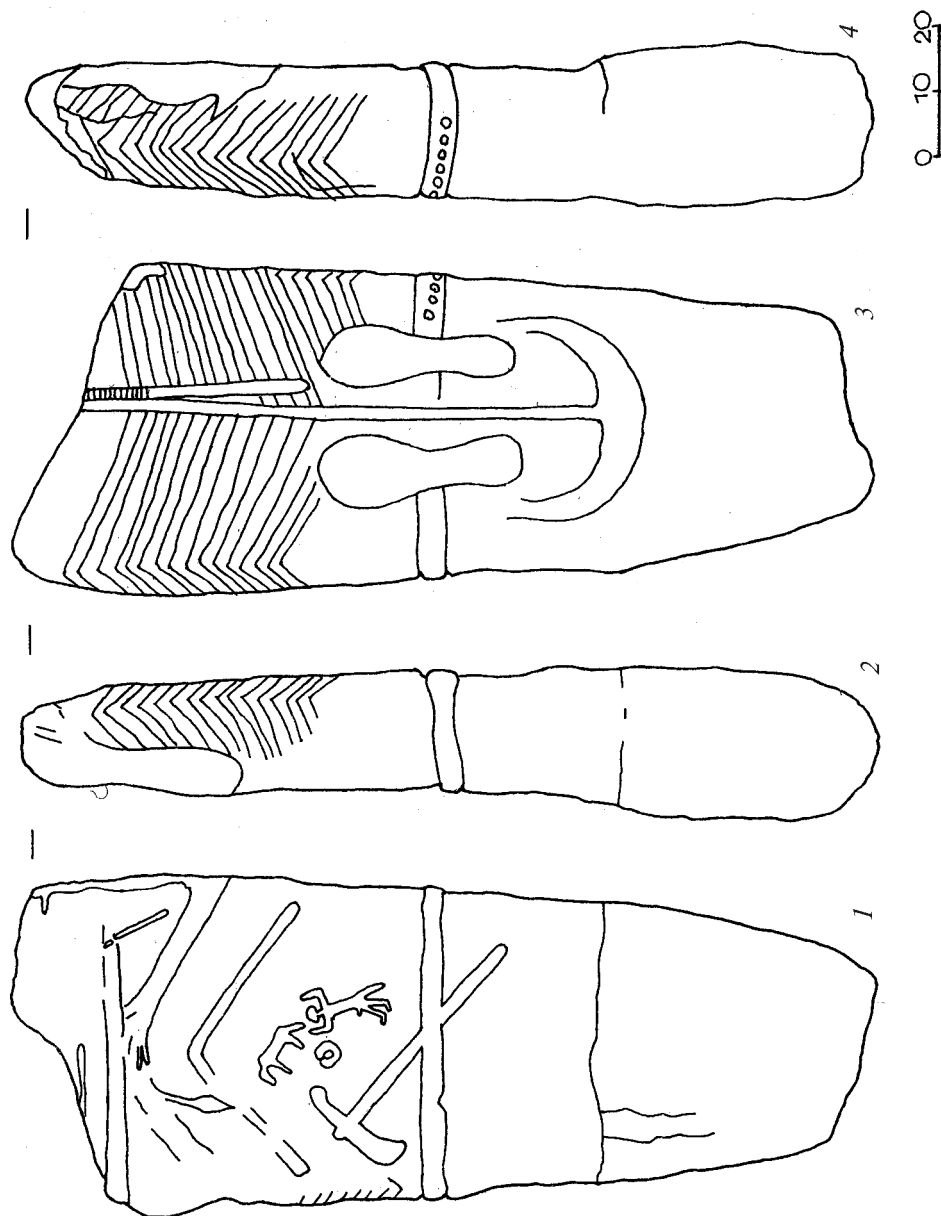

Рис. 7. Фёдоровский идол. Прорисовка изображений.

Описание изображений и некоторые их параллели. На прямом левом плече скульптуры рельефом передан рисунок: два полуовальных в плане валика, внешний из которых разделен поперечными насечками (рис. 8), в виде своеобразного фестончатого накладного элемента одежды или татуировки на теле человека. Изображения, размещённые ниже, отделены от выступа головы и плечей поперечной канавкой шириной 2 см.

Лицевая сторона. В верхней части плоскости заметны следы рельефного валика, словно бы отделявшего выступ головы от других изображений. Почти на уровне груди стелу пересекает поперечно прямая канавка, шириной 3 и глубиной до 2 см (рис. 7), схожая с такой же разделяющей полосой на идоле из Чобручи в Молдове (*Новицкий, 1990, с. 173, рис. 22: 2*).

Изображения рук, согнутых в локтях, занимающих частично и боковые стороны стелы, переданы в технике выпуклого рельефа, высотой 0,5-1,0 см (как и все остальные рисунки лицевой плоскости). Они согнуты в локтях и сложены на груди кистями вверх на одном уровне. Кисть левой руки расправлена: сохранились изображения безымянного пальца и мизинца; правой – стерта. По типу изображений рук и других иконографических элементов такой «антропоморфный сюжет» сближает лицевую сторону Фёдоровского изваяния с группой статуй так называемого натальевского типа (*Телегин, 1991, с. 16; Телегин, Потехина, 1998, с. 14-15*).

От кисти правой руки отходит изображенная боевой частью вниз стрела или дротик с коротким древком. Выше левой руки расположен неустановленный предмет в виде рельефного валика длиной 8 см, в целом похожий на тетиву не сохранившегося изображения простого лука. Рисунки луков характерны именно для наиболее выдающихся стел натальевской группы – Керносовского и Натальевского идолов, а также обратной плоскости статуи из Сватова (*Формозов, 1966, с. 93-96; Крылова, 1976, с. 17, 19; Ковалёва, 1989, с. 42; Телегин, 1991, с. 13, рис.*).

Ниже, параллельно рукам, находится изображение брюшной диафрагмы, переданное рельефным валиком, шириной до 1,5-2,0 см, что, насколько нам известно, не встречается ни на одной из стел Степной Украины и Крыма. Поверхность скульптуры под правой рукой повреждена, и часть изображений отсутствует (вкл. II).

В центре расположена сцена с участием человека и животного (рис. 7; 9; вкл. II). Человек изображен с поднятыми вверх руками. Голова показана в виде округлого выступа.

Особенностями в изображении человека является передача стоп ног, присутствие хвоста в виде прямой палки и обозначенный древним

Рис. 8. Фёдоровский идол.
Фрагмент. Изображения на левом
плече стелы.

художником выступ фаллоса. Фигура человека повернута в сторону животного, изображенного в профиле, с опущенной головой и длинным хвостом. Под ним, перед фигурой человека, — круглое углубление диаметром 2 см, обрамленное рельефным валиком шириной 2,0-2,5 см.

За рельефно обозначенным поясом, проходящим через все стороны стелы, находится вислообушный топор. Обух топора повернут к центру изваяния, лезвие расширено, его свисающая лопасть обращена влево вниз, конец рукоятки, пройдя через втулку, выступает над лобовой частью (рис. 7; вкл. II).

На обратной плоскости стелы, над поясом, находится изображение так называемого древа жизни, исполненное, как и все изображения тыльной стороны, в технике углубленного рисунка. Оно представляет собой четко выделенную канавкой, проходящей вертикально вдоль продольной оси стелы и завершающейся в изображении дугообразного углубления в виде ягодичной области человека, основную полосу — ствол, от которой к боковым сторонам отходят под углом в 70° вверх выгравированные параллельные линии: слева — 13, справа — 14. При

Рис. 9. **Фёдоровский идол.** Деталь.
Изображения на лицевой плоскости
изваяния.

этом из общего числа внизу исключены три полосы слева и шесть справа, не доходящие до осевой канавки-ствола. Справа от нее расположено изображение предмета в виде палки длиной 32 и шириной 2 см, с 13-ю поперечными насечками вверху (рис. 7; вкл. II; вкл. III: 2).

Пояс пересекают рисунки правой и левой стоп ног без изображений пальцев, носками вверх, длиной 32-33 см, оконтуренные канавкой шириной 1-2 см. Они как бы «висят» на поясе, а не «заткнуты» за него, как на некоторых статуях с богатой иконографией.

На боковых сторонах стелы показаны полосы, являющиеся продолжением линий обратной плоскости, но изображенные сломанными, под углом к параллельным канавкам древа жизни (рис. 79; вкл. II). Подобные «рёбра» имеются только на крымской стеле из Ак-Чокрака (Тощев, 2007, с. 92, рис. 42: 3); в меньшей мере схожий приём передачи «скелета» использован древним скульптором на известном идоле из Новосёлки Одесской области (Алексеева, 1975; Новицкий, 1990, с. 173, рис. 22: 1). На поясе с правой стороны и на обратной плоскости – семь кольцевой формы углублений диаметром до 3 см (рис. 7; вкл. II).

Интерпретация изображений, аналогии. Изображения, нанесенные на стелу, имеют иконографические аналогии среди ряда скульптур эпохи раннего металла. Наличие же рисунков (человек с хвостом и животное), расположение большинства изображений на стеле ставят скульптуру из Федоровки в ряд с таким уникальным памятником древнего монументального искусства, как Керносковский идол (Крылова, 1976, с. 36-45). Необычность Фёдоровского идола неоднократно подчёркивалась не только автором (Памятники, 1985, с. 13-14, № 41; Супруненко, 1986, с. 45; 1991, с. 158; 1992, с. 934; 2009, с. 656; Білоусько, Супруненко, 2004, с. 121), но и другими исследователями. В частности, И.Ф. Ковалёва обращала внимание на своеобразие иконографии и сложную её семантическую нагрузку (Ковалёва, 1989, с. 42), а Д.Я. Телегин вообще ставил под сомнение отнесение статуй стел типа Фёдоровки и Сватово к каким-либо из выделенных типов (Телегин, Потехіна, 1998, с. 18). Особенности и семантику некоторых сюжетов стелы рассматривали Ю.А. Шилов (Шилов, 1992, с. 18-25; 1995, с. 375 и др.), Е.Ю. Новицкий (Новицкий, 1990, рис. 23) и Н.Д. Довженко (Довженко, 2003, с. 4-5). Учитывая уже сложившуюся историографическую «традицию», совершим попытку сравнительного анализа всего комплекса изображений Фёдоровского идола.

Так, изображения пояса и сложенных на груди рук находим на стелах из Араканцево, Чобручи (Формозов, 1980, с. 104), Ак-Чокрака, Верхоречья, Казанков (Шепинський, 1971, с. 262, рис. 75; Telegin, Mallory, 1994, p. 100-101, 106-107; Тоцев, 2007, с. 88-92, рис. 42: 3-5), Керносовки, Натальевки (Крылова, 1976, с. 17, 19) и др.

Фестончатые украшения в виде ожерелий на груди и валиков на плечах изваяний присутствуют на стелах из Керносовки, Лариссы и Плачидола (Крылова, 1976, с. 36-46; Новицкий, 1990, с. 172-173, рис. 21: 4; 22: 4). Имеются некоторые параллели в изображениях фестонов на катакомбных чашах и прочих сосудах финала раннего бронзового века (Пустовалов, 2005, с. 330, 331, 333, рис. 4.35: 3; 4.36: 2; 4.38: 2); они также перекликаются с рисунками плечей и лопаток на болгарских изваяниях из Езерово, Плачидола, идолах из Натальевки, Новосёловки и Сватова (Новицкий, 1990, с. 172-174, рис. 21: 4; 22: 1; 23: 5, 9; Телегин, 1991, с. 13), которые, впрочем, не имеют дополнительных деталей, украшенных подобным образом.

Рисунок копья (дротика) расположен на лицевой грани Керносовского идола (Крылова, 1976). Изображение предмета в виде палки с поперечными насечками вверху на обратной плоскости Федоровской стелы напоминает известные рисунки пастушьих посохов-гирлыг (герлыг), помещённых на стелах из Араканцево, Крыма, Коллорж, Новосёловки, Новочеркасска. Астанино (Лесков, 1981, с. 28; Новицкий, 1990,

с. 174, рис. 23: 7; Телегин, Потехина, 1998, с. 12, 18, табл. I: 24). Такие же посохи, «типа древнеегипетского скипетра «амас», расположены на лицевой плоскости стелы из Булаховки в Орельско-Самарском междуречье (группа курганов I, курган № 1), вместе с поясом в виде неширокого выпуклого валика на всех гранях изваяния (Ковалёва, 1989, с. 43, 83, рис. 8: 2). Жаль только, что в случае с изваянием из Фёдоровки более точного определения посоховидному предмету дать невозможно: верхняя часть изображения отсутствует.

Изображения поясов, чаще – в рельефе, реже – в виде углублённых канавок, характерные для большинства стел с богатой иконографией, являлись (видимо, вместе с посохами) символами власти в пастушеском обществе (Новицкий, 1990, с. 92; Телегин, Потехина, 1998, с.26). Рисунки вислообушных и схожих с ними топоров за поясом известны на стелах из Керносовки, Ак-Чокрака и Верхоречья в Крыму, Гаманджии в Румынии, Куржеонного, Езерово в Болгарии, Чобручи в Молдове (Даниленко, 1974, с. 82; Новицкий, 1990, с. 173, 174, рис. 22: 2-3; 23: 5, 8; Тоцев, 2007, с. 92, рис. 42: 3, 5).

Такие топоры подобны каменным полированным образцам, выявленным в кеми-обинских погребальных комплексах Крыма и Причерноморских степей. Близки к топору на Фёдоровской стеле и клевцы междуречья Куры и Аракса, топоры майкопской культуры (Батчаев, Кореневский, 1980, с. 80-82, рис. 1-3), которые датируются последней четвертью III тыс. до н. е. (Иессен, 1962, с. 19, 20). Но при более пристальном поиске аналогий их круг и местонахождение несколько «приближается» к месту находки стелы в степном Приорелье. Это – восточнокатакомбные боевые топоры из Старомихайловки, Луганска (курган № 3, погребение 3), Виноградного (курган № 24, погребение 22), Мариупольского и Херсонского музеев, ингульские, в т.ч. «со знаками», – из Рахмановки (курган № 4, погребение 13) и Лимана (курган № 7, погребение 11) (Пустовалов, 2005, с. 257, 259, 334, рис. 3.1: 2; 3.3: 4; 3.4; 4.39: 6), подобные топоры из ямно-катакомбных памятников, аналогии которым происходят из Малой Азии – Анатолии и Трои II (Там же, с. 260, 293, рис. 3.4; 3.36). В своё время Л.П. Крылова считала прототипом топора на Натальевской стеле старательно исполненные образцы церемониального оружия бородинского типа (Крылова, 1976, с. 17). Хотя последние, видимо, являются всё же изделиями несколько более позднего времени – середины II тыс. до н. э. (Попова, 1990).

На лицевой стороне Фёдоровского идола наиболее интересна сцена с изображением человека с хвостом – мужчины с поднятыми вверх руками. Подобный сюжет известен на Керносовском идоле и указывает,

по мнению исследовательницы, на принадлежность человека с хвостом к числу служителей культа — брахманов (Крылова, 1976, с. 40, 42, 44). Характер передачи фигуры человека, его рук и ног находит соответствия в трактовке антропоморфных образов на крымских стелах из Ак-Чокрака, Казанков и Верхоречья (Телегин, Потехина, 1998, табл. 1: 89-91). Впрочем, если в трёх последних парные сюжеты с изображениями людей — это ритуальный танец (в крайнем случае, поединок, что менее реально), то в Фёдоровском — иное действие ритуального характера. В этом плане обращает на себя внимание в рисунке человека изображение фаллоса — свидетельства культа плодородия. Интересно, что мужское начало в культе плодородия непосредственно связывается с астральными культами (Кушнарёва, Чубинишвили, 1970, с. 166). Помещенный рядом рисунок животного рассматривается как изображение коня, чему не противоречат его детали: пропорции тела, длинный хвост. Изображения коня широко известны на плитах Каменной Могилы (Рудинский, 1961, с. 66, 92-93; Михайлов, 1994, с. 160; 2003, с. 12), плите из Усатовского кургана (Патокова, 1957, с. 35-36, 40, табл. 2:1; Петренко, 1984, с. 14, 15, рис. 1), изваяниях из Керносовки, Ак-Чокрака или Верхоречья (Телегин, Mallory, 1994, р. 100-101, 106-107; ср.: Телегин, Потехина, 1998, табл. 1: 94; Тошцев, 2007, рис. 42: 3). Расположенное рядом, посередине лицевой стороны скульптуры, круглое углубление в виде пупка может трактоваться и как алтарь, и как солярный символ. К числу «знаковых» такие изображения относят исследователи раннего бронзового века Поднепровья. Именно так интерпретируется подобный символ на катакомбном сосуде из погребения 10 кургана № 2 у Николаевки I (Пустовалов, 2005, с. 287, рис. 3.31: 6). Хотя в случае с Фёдоровской стелой это изображение следует связывать всё же с антропоморфными «аксесуарами» идола (т. е., непосредственно пупком полу- или обнаженного человека (мужчины), вид которого и передавал основной сюжет изваяния (Телегин, Потехина, 1998, с. 16).

Д.Я. Телегин отмечал, что стелы натальевского типа, «с глубоко втянутыми в плечи головами и молитвенно поднесенными к лицу руками», со смирением и покорностью в скупых индивидуальных чертах, принадлежат служителям культа — шаманам (или брахманам) — важным фигурам первобытного общества, которые «при помощи молитв и заклинаний «беспокоятся» об удачной охоте, приумножении стад, увеличении и усилении племени» и пр. (Телегин, 1991, с. 16; Телегин, Потехина, 1998, с. 18-19). Их главной просьбой, обращенной в молитвах к духам и богам скотоводческого общества, было ниспослание скота (Новицкий, 1990, с. 102). С обретением служителями культа особых знаний, избра-

нием пути подвижничества, а значит — отказа от пищи и аскезы, по образцу древнеиндийской мифологии, исследователи связывают появление «истощённых» сюжетов на идолах из Керносовки, Натальевки, Фёдоровки, Новочеркаска и Сватова (*Новицкий, 1990, с. 104-105*), а также стеле с Булаховки (*Ковалёва, 1989, с. 83, рис. 7*). Черты истощённого человека — рёбра, позвоночник, лопатки, наконец — копчик, с коим изображаются «хвостатые» служители культа, могли быть олицетворением брахмана-подвижника, обретшего высшее знание (символ — истощение) (*Новицкий, 1990, с. 105*). В таком случае проливается определённый свет и на смысл сцены с изображением служителя культа (с хвостом и прочими деталями) и коня (лошади).

Свидетельства, касающиеся небесного коня, связанного с солнцем, плодородием, а также выступающего в роли посредника между миром живых и небесной обителью предков, известны в литературе. Считается, что культ коня возник в IV тыс. до н. э. в Евразийских степях в центре доместификации лошадей у предков индоариев и индоиранцев, а потом, видоизменяясь, распространился по всему свету (*Кузьмина, 1977, с. 31, 45-48; Даниленко, Шмаглій, 1972, с. 3-20*). Есть основания полагать, что племена ямной культурно-исторической общности, с погребальной церемониальной деятельностью которых связывается значительное количество стел, уже знали верхового коня (*Телегін, Потехіна, 1998, с. 9*). Многочисленные примеры связи коня с солнцем в мировоззрении ираноязычных народов собраны А.П. Окладниковым и В.Д. Запорожской (*Окладников, Запорожская, 1970, с. 109-110*). Возможно, что описанная композиция — сцена поклонения солнцу и коню или коню-посреднику между землей людей и небом предков (*Супруненко, 1990, с. 33*).

«Шаманские», по мнению Л.П. Крыловой, сцены соития человека и животного на Керносовском идоле, изображение коня и человека с подчеркиванием их половой потенции, весьма хорошо согласуются с образом верховного мужского божества, изливающего семя дождя и способствующего силам размножения (*Ковалёва, 1989, с. 43*).

На обратной плоскости стелы помещены изображения контуров стоп ног человека. Такие рисунки встречены на ряде стел (Араканцево, Старые Трояны, Чобручи (*Формозов, 1980, с. 105*), Баратовка, Керносовка, Марьино (*Щепинский, 1961, с. 227-231*), группа стел натальевского типа, Белогрудовка, Новосёловка, Сватово, Гаманжия, Плачидол, некоторые скульптуры Западной Европы (*Формозов, 1969, с. 181; Новицкий, 1990, рис. 21-23; Телегін, Потехіна, 1998, табл. 1*)), плитах Каменной Могилы (*Рудинський, 1961, с. 66, табл. XXI: 71-72; XXII-XXIII: 91-94, рис. 59-60; Михайлов, 2003, с. 11-12*), камне «Щеглец» из деревни Мытно (*Формозов, 1963,*

с. III-137) и плите из окрестностей с. Деревка на Днепре, многочисленных петроглифических изображениях (*Мартиросян, Израелян, 1971, с. 50; Равдоникас, 1938, с. 70*). Известны рисунки стоп из охры в ямных и ямно-катакомбных погребениях на Южном Буге и Ингуле, Донетчине, в частности, из ямно-катакомбного погребения у Северска. Особенно много их обнаружено на р. Молочная (*Ричков, 1982, с. 68-69; Санжаров, 1983, с. 205-206, рис.3; Пустовалов, 1991, с.22-41; 2005, с. 95; Давня історія, 1997, т. 1, с. 506*), в том числе у Каменной Могилы (*Михайлов, 1990, с. 109, рис. 2, 3*). Открыты такие же изображения из охры и в катакомбных погребениях на Полтавщине (*Супруненко, Кулатова, Маєвська, 2004, с. 96-97, рис. 63: 12; Супруненко, Кулатова, Мироненко, Артем'єв, Маєвська, 2005, с. 96-97; Супруненко, 2007, с. 30, 33, рис. 25*).

Существует мнение о магическом (*Формозов, 1963, с. 138*) и религиозно-космогоническом характерах подобных изображений, которые интерпретируются как вместилище души или душ умерших, воплощение их лучших качеств, как реальное воплощение (аватара) (*Ричков, 1982, с. 69; Пустовалов, 2005, с. 95*) дающего жизнь солнечного божества, шагающего по Вселенной (*Титова, 1982, с. 14*).

Всё это – свидетельства наличия представлений космогонического характера, включающих производственную календарно-обрядовую символику (*Новицкий, 1990, с. 95*). Стопы-сандалии, вместе с посохами-гирлыгами, являются также непременным атрибутом достижения загробного мира и возвращения из мира мёртвых. А после посещения мира умерших стопы приобретают магическую силу, а посохи превращаются в знаки и символы власти (*Там же, с. 101, 112*).

Изображения стоп рассматриваются также в контексте символов верховного мужского божества. Их мифологема связана как с «небесным лучником», обеспечивающим плодovitость земли, людей и скота, так и с вертикальной схемой мироздания, в которой шаги божества (в индуистском пантеоне – Вишну) соответствуют трехчленной системе: небо – земля – подземный мир. На Керносовской стеле трехчленная система мироздания передана выделением головы и членением туловища посредством пояса на две части (*Ковалёва, 1989, с. 43*). Такие же принципы членения изображений присущи всем идолам натальевского типа, к группе которых типологически и территориально может быть отнесено и Фёдоровское изваяние.

Изображения стоп на Фёдоровской стеле пересекают пояс, который интерпретируется исследователями, вместе с рисунками топоров и посохов, как атрибут власти (*Телегін, Потехіна, 1998, с. 12*). Вероятно, в данном случае, наблюдается определённая связь изображений стоп –

символов великого божества плодородия – с атрибутами власти и господствовавших форм хозяйствования (Титова, 1982, с. 12; Супруненко, 1991, с. 157).

Необходимо отметить также, что Б.Н. Михайлов предполагал связь единичного изображения стопы со следами-символами бога героя Индры – Вишну – Геракла (Михайлов, 2003, с. 12).

Обращает на себя внимание факт наличия кольцевых углублений – отверстий или украшений на поясе, которых изображено всего семь, т. е. число, входящее в магию «космических» или «лунных» чисел (Фролов, 1982, с. 41-58, Дьяконов, 1982, с. 82).

Между контурами стоп пояс на стеле по вертикали пересекает также и ствол символического древа жизни. Такие изображения, в целом характерные для стел с богатой иконографией (Араканцево, Натальевка, Керносовка, Новосёловка и др.), присутствуют и на кеми-обинских и позднемых каменных ящиках в курганах (Астанино, Курбан-Байрам (Тоцев, 2007, с. 83, рис. 37), погребение 3 кургана № 15 из Староселья (Шилов, 1977, с. 48-65), погребение 1 кургана № 1 у Старогорожено (Шапошникова, Фоменко, Балушкин, 1977, с. 102-106), погребение 4 кургана № 5 у Мойсеевки (Пустовалов, 2005, с. 337, рис. 4.42: 2) и др.), стелах из Нальчикского кургана (Чеченов, 1970, с. 109-124), росписях стенок катакомбы 9 кургана № 2 у Зимогорья в Донбассе (Братченко, 2001) и пр.

Древо жизни считается одним из наиболее распространенных воплощений универсальных знаковых комплексов древности, «универсальной концепцией, определяющей в течение долгого времени модель мира в мифологических традициях Старого и Нового Света» (Топоров, 1982, с. 26; 1987а, с. 396-398). Мировое древо символизирует пространственную структуру мира, а его тройное членение (соответственно ветви – ствол – корни) «отвечает представлению о динамической целостности мира» (Там же, с. 26).

Дуговидное углубление ниже пояса стелы («ягодицы»), от которого отходит ствол, может рассматриваться и как изображение корней древа жизни, и как атрибут подземного царства; середина композиции – ствол, пересекаемый поясом с рисунками стоп, – может обозначать земную жизнь людей под властью божества. Верхняя же часть и ветви могут являться отголоском космогонических представлений, понятий о вселенной создателей изображения (Супруненко, 1991, с. 157).

Приведенные аналогии и точки зрения исследователей древнейшей монументальной скульптуры Восточноевропейских степей в целом позволяют очертить круг древностей, в которых бытовали идолы, подобные Фёдоровскому.

Календарные основы графики изображений. Прошло уже более 30 лет со времени выявления Фёдоровского идола и появления первых интерпретаций его сюжетов, но автор всё же считает необходимым привести не утратившую актуальность гипотезу о календарных основах графики изображений древа жизни на изваянии.

Она появилась как следствие модных в 1970-1980-х гг. тенденций, связанных с попытками дешифровки графических изображений древности и направленных на поиски свидетельств календарного отсчёта времени племенами эпохи раннего металла.

С открытием календарных основ росписи на кеми-обинских каменных ящиках и плитах Нальчикской гробницы исследователи неоднократно указывали на необходимость анализа графики эпохи раннего металла, в которой прослеживаются числовые закономерности, связанные с повторением календарных чисел 5, 7, 12 и кратных им, которые могут нести в себе графическую запись элементов и целых календарей (Дворянинов, 1980, с. 48). Рассматривая древо жизни на Фёдоровской стеле в контексте разработанной для анализа позднепалеолитической графики методики (Фролов, 1974, с. 41-48), удалось проследить определённые календарные основы символики графического изображения (Дворянинов, 1980, с. 42-52; Шилов, 1982, с. 33, 34).

Число линий-канавок с левой и правой сторон древа жизни составляет 27. Это отвечает количеству суток драконического месяца (Климишин, 1985, с. 34-36). Слева и справа (учитывая изломанные под углом к канавкам обратной стороны стелы линии боковых сторон) присутствуют соответственно 26 и 28 линий, что при сложении с единицей (графически – ствол «древа») даёт в сумме 27 и 29. Это, как известно, отвечает количеству суток в драконическом и синодическом месяцах лунного года. С правой стороны древа – 28 линий, т. е. количество суток в усреднённом месяце $(27 + 29) / 2$. Общее количество линий, которые не доходят до ствола справа, – 12 (а учитывая нижнюю, изломанную дважды, – 13), слева – 6. Сумма этих чисел (18) отвечает количеству безмесячных ночей лунного года. Интересно, что перемножив количества линий справа – 28 и 12, – мы получаем 336, что равно числу лунных ночей в лунном году из 354 суток. Заметим, что общее количество линий, которые доходят сверху до ствола, вместе с последними, составляет 55 и отвечает числу дней, показывающих отставание лунного года от солнечного за 5 лет (Супруненко, 1991, с. 157-158).

Естественно, что приведенная интерпретация небезупречна. Но присутствие календарных основ в графике изображения древа жизни

очевидно. По крайней мере, это не вызвало особых возражений у исследователей за 20 лет существования приведенной гипотезы.

Таким образом, к «сонму» религиозно-космогонических и прочих представлений древних творцов Фёдоровского идола в определённой степени могут быть приобщены и свидетельства их воззрений на время, основы календаря, связанного с производственной календарно-обрядовой символикой кочевников Поорелья эпохи раннего бронзового века.

Предназначение стелы и её культурная принадлежность. Решая вопрос о предназначении антропоморфных стел эпохи энеолита – раннего бронзового века, исследователи считали последние изображениями умерших старейшин и выдающихся членов рода (Формозов, 1969, с. 52), мастеров и удачливых охотников (Чеченов, 1973, с. 30), вождей, повелителей стад, служителей культа и представителей племенной верхушки (Телегин, 1991, с.12-20), вместилищем духовной субстанции погребённого (Довженко, 1979, с. 27-35). В то же время стелы-идолы рассматривались как изображения различных божеств (Щепинский, 1973, с. 27; Даниленко, 1974, с. 83), героев-полубогов, олицетворение универсального божества. В последнее время эта версия для стел с богатой иконографией стала популярной и привела к выделению отдельного класса идолов среди всего массива древнейшей монументальной скульптуры Украины (Формозов, 1973, с. 211; Довженко, 1993, с. 123; Рассемакин, 1997, с. 366, 368).

Так как значительное количество стел было выявлено на перекрытиях погребений ямного населения, часто в повреждённом состоянии, а большинство из них носило следы использования (зауженные основания, следы обработки и выветривания, пребывания в течении длительного времени на поверхности в вертикальном положении), появилось предположение о существовании более древних энеолитических святилищ, разрушенных ямным населением, и повторном использовании изваяний «ямниками» в качестве строительного материала. Первые такие святилища начали сооружать, по мнению Д.Я. Телегина, нижнемихайловские (Телегин, 1971, с. 16, 17; 1991; Телегин, Потехина, 1998), а А.М. Лескова – кеми-обинские племена (Лесков, 1967, с. 5). А.А. Щепинский относил сложные изваяния к наследию «кеми-обинцев», а простые – «ямников» (Щепинский, 1963, с. 38-47). Е.Ю. Новицкий, кроме группы изваяний в составе усатовской монументальной пластики, выделял в качестве основного именно ямный массив скульптур Северо-Западного Причерноморья (Новицкий, 1990, с. 110-111). В конце концов исследователи согла-

сились с более древним происхождением мегалитической скульптуры, связанным с нижнемихайловским населением, от которого она распространилась и на другие энеолитические степные племена (*Рассамакин, 1997, с. 366-367*).

Традиционно идея распространения монументальных антропоморфных образов в камне, по мнению В.Н. Даниленко, А.М. Лескова, Н.Д. Довженко, появилась в связи с контактами причерноморских племён с ближневосточной и переднеазиатской цивилизациями при посредничестве населения Кавказа (*Даниленко, 1974; Лесков, 1981; Телегин, 1991; Чмыхов, Довженко, 1987, с. 135-137*). Предполагались и балканские корни становления каменной антропоморфной пластики (*Telegin, 1987, s. 37-44*). Ю.Я. Рассамакин аргументирует более раннее появление монументальной антропоморфной скульптуры и проникновение антропоморфного образа в религиозно-мифологическую систему первых степных кочевников Восточноевропейских степей со стороны населения земледельческих раннеэнеолитических культур Балкано-Карпатского региона (*Рассамакин, 1997, с. 368*).

Становление антропоморфного мужского образа в искусстве скотоводов Северного Причерноморья и Поднепровья совпало во времени с формированием и преобладанием патриархальных отношений, в котором мужчина-вождь обрёл особый статус. Оно сопровождалось также становлением ранних форм религии – культа предков, вождей, племенного божества, которые воплощались уже в чисто человеческих образах, иногда – с использованием отдельных зооморфных черт как пережитков тотемизма (*Рассамакин, 1997, с. 367-368*).

Причину широкого распространения стел эпохи раннего металла исследователи видят в существовании общей религиозной идеи изображения антропоморфных божеств, которая распространилась на значительной территории в обществах, находящихся на одной ступени исторического развития (*Рычков, 1979, с. 19, 20; Harrison, 2004*). Правда, по насыщенности и степени реалистичности изображений исследователями выделялись именно стелы Северо-Причерноморского региона (*Телегин, Потехіна, 1998, с. 26-27*).

Участие многих энеолитических племён в генезисе ямного населения привело к широкому использованию последними каменной монументальной пластики. Носители ямных культур Северного Причерноморья восприняли и развили основные культы, бытовавшие на этой территории, видоизменив их в связи с изменениями форм хозяйствования и общественного устройства. Если для племён нижнемихайловской культуры стелы ещё были элементами отдельных святилищ и стояли у

подножия курганов в длительно используемых культовых сооружениях патриархального родового строя (*Телегин, 1991, с. 21-22*), то для ямного населения такие скульптуры уже имели временный и персонифицированный характер, что отвечало патриархально-семейным традициям (*Пассамакин, 1997, с. 368*). Ямный ритуал характеризовался двухэтапностью, как установила Н.Д. Довженко. После проведения необходимых культовых действий перед стелой (жертвоприношений, оплакивания и пр.), монумент хоронили неподалёку от погребённого, иногда сопровождая это обрядом повреждения изваяния, т.е. ритуальным обезвреживанием каменной ипостаси погребённого (*Довженко, 1979, с. 34-35*). По В.В. Иванову, подобные действия, по аналогии с древнеиндийскими и хеттскими письменными источниками индоевропейского погребального ритуала, включали жертвоприношения домашних животных перед временным «образом» – изображением умершего (*Иванов, 1990, с. 5-11*).

Среди археологов уже неоднократно поднимался вопрос о связи антропоморфных стел с индоевропейской проблематикой, их творцами как индоевропейцами. Примером могут быть факты изображений на стелах стоп, упомянутых в ведических мифах, росписи стел и каменных ящиков красной охрой, сопоставимой с поклонением индоиранцев богу огня, возможность использования монументальной пластики для выяснения социальной стратификации в изучении погребальных памятников ямных племён (*Чмыхов, Довженко, 1987; Довженко, Рычков, 1988; Gimbutas, 1991; 1997*). Эти взгляды и, в особенности, опыты исследования индоевропейских космических и социальных мифов, в представлении учёных старшего поколения имели всё же умозрительный и тенденциозный характер, а их достоверность оставалась на совести авторов (*Telegin, Mallory, 1994; Телегин, Потехина, 1998, с. 26-27*). Впрочем, не все новации во взглядах конца XX ст. отличались тенденциозностью. В ходе семиотического и комплексного анализов древнейшей каменной скульптуры Юго-Западного Причерноморья Е.Ю. Новицким предложены новые подходы к изучению мегалитических памятников, создана первая типологическая схема классификации монументальной древнейшей пластики, «омоложена» дата для Чобручского идола – XVI-XIV вв. до н.е. (*Новицкий, 1990, с. 36, 86-89*). Несколько позже более чёткую и менее формализованную классификацию древнейшей монументальной скульптуры предложила исследовательница стел эпохи энеолита – бронзы Украины Н.Д. Довженко (*Довженко, 1993, с. 123*). Она же выделила отдельный класс идолов (прежде всего, Керносковский, Фёдоровский и Верхореченский), для которых потребовался пересмотр их хронологии, охватывающей конец первой – вторую четверть II тыс. до н.е. (*Довженко, 1993, с. 132*). С та-

кой постановкой вопроса согласились Ю.А. Шилов (*Шилов, 1992, с. 18*) и Ю.Я. Рассамкин (*Рассамкин, 1997, с. 369*).

В завершение необходимо привести точку зрения Ю.А. Шилова на предмет нашего исследования. В своё время он посвятил Фёдоровскому изваянию и, соответственно, кургану отдельную статью (*Шилов, 1992*), подготовленную через десятилетие после сдачи в редакцию «Советской археологии» идеологически «неустойчивой» публикации о Фёдоровской стеле (*Супруненко, 1991; ср.: Памятники, 1985, с. 13-14, № 41; Супруненко, 1986, с. 45; 1986а, с. 51; 1990а, с. 80-86*).

Проанализировав этапы сооружения кургана, подобрав «семиотический ключ» в виде определённых разделов «Ригведы», а также более поздних «Брихадараньяка-упанишады» и «Джайминин-брахманы», он осуществил попытку приблизиться «к сути памятника» (*Шилов, 1992, с. 19*). По его мнению, сооружение кургана-святилища началось с жертвоприношения овцы (козла) и лошади, чьи позвонки были обнаружены под первичной насыпью. Позвонки указанных животных трактуются исследователем как отражение идеи древа жизни или мирового столба, именовавшегося в среде индоариев ашватхой («конским деревом») и ассоциировавшегося с позвоночником соответствующего существа. Что же касается находки под выкидом фаланги лошади, то она связывается в этом обряде с движением.

Центральная, ориентированная на юго-запад, антропоморфной формы яма 5 Фёдоровского кургана, была направлена головной частью к закату зимнего солнца (в «потусторонний» мир), содержала чередующиеся прослойки чернозёма и суглинка (*Там же, с. 19*). «Отсутствие перекрытия и намеренно уплотнённое заполнение позволяют предположить, что в ней первоначально и был установлен идол. Перед сооружением насыпи его могли вытащить и водрузить затем на вершине. Этот ритуал соответствует свержению идолов Индры через семь дней после их установки, который и доныне практикуется в Индии» (*Кёйнер, 1986, с. 30*).

Предполагаемое перемещение идола можно уподобить его посредничеству между потусторонним и небесным мирами. Их воплощали антропоморфные божества, чьи образы представлены ямой 5 и насыпью кургана (в которой Ю.А. Шилов «уловил» черты антропоморфности). Посредническая функция идола была подчёркнута разведением костра и жертвоприношениями на поверхности насыпи. Кости лошади продолжают идею ашватхи, «прорастания» древа из потустороннего мира в небесный (через толщу кургана-святилища) посредством производимых здесь ритуалов (*Шилов, 1992, с. 20*), свидетельством которых может быть находка костяного изделия («флейты Пана» или приспособления

для доения кобылиц). «Вполне вероятно, – считает Ю.А. Шилов, – что к числу этих ритуалов следует отнести преднамеренную отбитость головной части идола. Такие действия, сопряжённые с отчленением голов жертвенных людей и статуэток, прослежены в Старосельской и Каирской курганных группах на Нижнем Днепре» (Шилов, 1987, с. 165-167). Повреждение части Фёдоровского идола явилось логическим завершением ряда обрядов, призванных «отправить» его посланником на небеса (Шилов, 1992, с. 20).

Ниже приводим часть текста «Гимна о Пуруше»: «На три четверти взошёл Пуруша вверх. Четверть его возникла снова здесь... Из этой жертвы, полностью принесённой... из неё кони родились... из неё родились козы и овцы... Из пупа возникло воздушное пространство, из головы развилось небо, из ног – земля» (Ригведа, 1972, X, 90. 4,9-10, 14 и сл.). Анализируя приведенное, можно допустить, что головная часть идола была отчленена в счёт тех 3/4, из которых полагалось воссоздать (новогоднее) небо, 1/4, уж слишком большая, найденная возле остатков святилища в Фёдоровке, была использована в ритуальном воссоздании земли и атмосферы; жертвоприношения же животных и изображение на стеле коня символизировали сотворённое из жертвенного Пуруши стадо (Шилов, 1992, с. 20-21).

Помимо признаков Пуруши, Ю.А. Шилов обнаружил соответствия и другим ведическим божествам, особенно Вишну и Индре – главным персонажам «Ригведы» (Топоров, 1987б). Так, Вишну-Индра «стоят на великой вершине гор, подобно [всаднику, правящему] прямо мчащимся скакуном» и жертвенные возлияния усиливают «великую мужскую силу» сей божественной пары», а «взирая только на два шага того, кто подобен солнцу, мечется смертный» (Ригведа, 1972, I.155). Нетрудно заметить, считает исследователь, что все эти мотивы представлены в Фёдоровском святилище и идоле. Последнего сближает с Индрой топор (мифическая ваджра), а аналогии с Вишну несомненно преобладают. К ним можно отнести большинство признаков, отнесённых к Пуруше, ибо «он родня Вишну...», и Пуруша, и Вишну – «жертва поистине» (Джайминин-брахманы, 11.68.1). Эта жертва тоже устремлена ввысь, более того: Вишну – бог поступательного движения, бог-странник (Кёйпер, 1986, с. 101-111). Он возвышается на изначальном холме. Подобный древу жизни и древу ку стрелы, он «прикрепил наверху вздымающийся высокий небосвод» и «поддержал восточную вершину земли, порождая солнце, утреннюю зарю и Агни-“Огонь”» (Ригведа, 1972, VII, 99. 2, 4), он раскрутил годовой цикл и двумя (впоследствии тремя) шагами прошёл «через семь форм земли» (Ригведа, 1972, I, 22. 16).

Приведенные мифогемы находят соответствие в изображениях именно немногочисленной группы идолов. Вместе с тем, «только на Фёдоровском мотив прохождения «через семь форм земли» выражен более-менее очевидно — в его поясе со стопами на концах и 7-ю кольцевыми углублениями справа на нём» (Шилов, 1992, с. 21). Это число предстаёт здесь и в магическом, и в конкретном значении, как символ Индры и других шести сыновей праматери Адити — «земли», супруги и даже воплощения Вишну (Кёйнер, 1986, с. 107; Топоров, 1987, с. 45; 1987б, с. 534). В таком случае «ягодицы» — дуговидное углубление ниже пояса стелы — могут рассматриваться не только в качестве «корней дерева жизни» (воплощающего, в частности, Вишну), но и как чрево Адити (супруги и воплощения Вишну). «Вполне очевидно, что пояс уподоблен здесь пуповине, тогда пупок-солнце, конь над ним и шаман рядом на лицевой плоскости изваяния оказываются в семантическом родстве с древом жизни, вырастающим из чрева на тыльной стороне идола», — завершает атрибутивные построения по иконографии изваяния Ю.А. Шилов (Шилов, 1992, с. 22).

Имеет смысл остановиться ещё на одной трактовке сцены на Фёдоровском идоле, рассматриваемой Ю.А. Шиловым. Это касается композиции на лицевой плоскости изваяния, сопоставляемой им с ритуалом ашвамедха («жертвоприношения лошади»). Истоки этого ритуала находят соответствие в «Погребальном гимне коню» (*Ригведа*, 1972, X, 56). Здесь погребаемого (жертвенного в рассматриваемых святилищах) коня призывают соединиться с «третьим светом» (соответствующим третьему шагу Вишну, а семантически «присоединяемому» к двум стопам и пупку идола), устремиться к небу и уподобиться солнцу. К размножившимся (путём жертвенного расчленения, как в святилищах и ашвамедхе) формам коня «привязаны все существа», подобно пуповинам, которые посылают «вслед [новые] поколения». В мифогеме, изложенной в комментариях Т.Я. Елизаренковой, находит соответствие и центральная сцена Фёдоровского идола (Шилов, 1992, с. 22): «С помощью рождения потомства сыновья [неба, жрецы песнопевцы, т.е. шаманы] двояко [с помощью Вишну-Индры-?] установили солнце — Асуру, нашедшего свет» (*Ригведа*, 1972, X, 56. б).

В целом, соглашаясь с мифологической интерпретацией некоторых сюжетов на изваянии и предназначением Фёдоровской стелы как древнего идола, считаем возможным подытожить весь комплекс представлений о таких памятниках.

Рисунки канонизированных атрибутов власти и оружия, изображение служителя культа и коня на лицевой плоскости стелы из Фёдоровки

являются отражением религиозных верований сквозь призму реальной жизни и господствующих форм хозяйства, а символическая композиция обратной стороны – мировоззрения, космогонических представлений и, возможно, представлений о времени (Супруненко, 1990, с. 34).

Таким образом, Федоровская стела – это, видимо, одна из довольно ранних в Левобережных предстепиях скульптур «универсального» божества с телесными атрибутами человека (Штернберг, 1936, с. 38), близкого ведийскому Пуруше, считавшемуся «символом вселенной и законом существования... общества, первопредком всех людей (прежде всего, знати), верховным родоплеменным божеством, своеобразным двойником знатного погребенного и проводником его души в мир бессмертных богов» (Чмыхов, Довженко, 1987, с. 138). Сюжетный ряд скульптуры тесно связан и с образами ведических богов Индры и Вишну, а также с сопутствующими им персонажами и атрибутами (Шилов, 1990а; 1992, с. 19-21). Но для Фёдоровского идола явственнее выступает присутствие в его образе Пуруши, так как в исследованном кургане человеческие жертвоприношения заменены принесением в жертву самого изваяния (Шилов, 1987, с. 165-167; 1992, с. 20-21; 1995, с. 39).

Среди группы стел с богатой иконографией идол из Фёдоровки выделяется значительным количеством изображений, уступая по обилию графики лишь стеле из Керносовки. А композиция с участием человека – служителя культа и коня – как свидетельства приручения и использования последнего, является уникальной. Выше уже приводились аргументы в пользу отнесения Фёдоровского изваяния к небольшой, территориально ограниченной группе идолов натальевского типа, локализованной в Орельско-Самарском междуречье и Поорелье (Ковалёва, 1989, с. 42). Её выделение обусловлено также некоторыми этнографическими отличиями более близких к лесостепи культур от их южных и поднепровских соседей, для которых применение камня в погребальных и бытовых памятниках являлось устойчивым признаком.

Фёдоровское изваяние принадлежит к группе монументов-идолов, видимо, непосредственно не связанных с конкретными погребениями. Некоторые из таких скульптур обнаружены вблизи курганов или на них, как известные скифские и половецкие статуи. Это – Керносовский идол, изваяния из Казанков и Новосёловки (Крылова, 1976, с. 23; сообщение И.Ф. Ковалёвой; Новицкий, 1990, с. 130; Тоцев, 2007, с. 88). Считается, что такие скульптуры располагались в центрах святилищ на курганах (Телегин, 1991, с. 21-26), связанных с культом племенного божества, соединяющего в себе функции культурного героя-демиурга, творца всего сущего, олицетворяющего небесные и атмосферные явления, связанные

с культурами небесных светил и явлений (солнца, дождя, грома) – гарантиями благополучия скотоводов. На определённом этапе развития кочевых сообществ древности культ племенного бога конкретизировался в лице бога-воителя, подобного ведийскому Вишну-Индре и его первым воплощениям. Такие идолы могли устанавливаться на завершающей стадии развития ямного населения, во время появления или завершения господства катакомбных племён, в среде которых зафиксированы многочисленные каменные топоры, деревянные посохи-гирлыги, изображения стоп на дне могил и пр. (*Рассамакин, 1997, с. 369*).

Фёдоровский курган также является уникальным памятником, возведённым в качестве святилища для проведения обрядов, связанных с ответственными решениями в жизни местного, в основе своей ямного населения, как культовое сооружение для поклонения первоначально Пупуше или богу-страннику Вишну (Индре), возможно даже, в связи с решениями о преодолении значительных пространств, перемещении стад в ежегодных перекочёвках и пр. Такой курган, видимо, был сооружён под руководством брахманов, которые традиционно объединяли в пастушьем обществе религиозную и светскую власть, отражения чего находим и среди изображений Фёдоровского идола.

Датировка изваяния. Большинство антропоморфных стел Левобережного Поднепровья с отдельными элементами иконографии связываются исследователями с памятниками ямной и катакомбной культурно-исторических общностей (*Златковская, 1963, с.86; Формозов, 1969, с. 179-180; Довженко, 1989, с. 66-67; Новицкий, 1990, с. 86-87* и др.). Датировка изваяний класса идолов в работах третьей четверти XX в. не выходила за рамки конца III – начала II тыс. до н. э. (*Щепинский, 1963, с. 38-47; Формозов, 1969, с. 179-180; Телегин, 1971, с. 16-17; Крылова, 1976, с. 44-46* и др.). Хотя в настоящее время такие скульптуры с изображениями божеств связываются с древностями катакомбных или даже бабинской (культуры многоваликовой керамики) культур (*Ковалёва, 1989, с. 44; Новицкий, 1990, с. 36; Шилов, 1992, с. 18; Довженко, 1993, с. 132; Рассамакин, 1997, с. 369; Пустовалов, 2005, с. 87*), как и изображённые за их поясами вислообушные топоры (*Пустовалов, 2005, с. 257, 259, 260, 293, 334, рис. 3.1: 2; 3.3: 4; 3.4; 3.36; 4.39: 6*).

В завершение считаем необходимым пересмотреть ранее изложенную точку зрения на датировку уникальной скульптуры рубежом III – II – началом II тыс. до н. э., т.е. позднеямным временем (*Супруненко, 1990; 1991*), и поддержать более позднюю культурно-хронологическую атрибуцию для публикуемого Фёдоровского и подобных ему изваяний.

Время их бытования соответствует финальному этапу развития в лесостепных просторах Левобережья и Поорельских предстепиях материальной культуры катакомбных племён и началу сложения древностей бабинской культуры, одним из основных составляющих компонентов которой и было познеямное население Поднепровья (*Березанская, 1986, с. 41*). Хронологически изготовление и использование в обрядах стелы может быть отнесено к концу XVIII – XVII вв. до н. э. Её появление по времени совпадает с военными походами позднекатакомбных племён в северо-восточном, южном и юго-западном направлениях, первыми контактами с населением Балкан, Микенского государства и Центральной Европы (*Березанська, Отроценко, 1997, с. 412; Пустовалов, 2005, с. 88-89*).

4. СТЕЛЫ НА КУРГАНАХ ПОЛТАВЩИНЫ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Вот уже более 30 лет Фёдоровское изваяние вполне закономерно удерживает пальму первенства и уникальности среди памятников монументальной скульптуры племён энеолита — бронзового века на территории Днепровской Левобережной Лесостепи, в частности, в пределах современной Полтавщины. И это не удивительно. Находки таких идолов случаются не часто, впрочем, как и выявление остатков подкурганых святилищ. Известные исследователи в 1980-х гг. с удивлением вынуждены были согласиться с фактом присутствия такого класса изваяний в правобережном Поорелье. На сегодня место находки изваяния является самым северным пунктом нахождения стел с богатой иконографией в Поднепровье (Супруненко, 1991, с. 158) и сопредельных территориях междуречья Днепра и Дона.

Правда, в междуречье Псла, Ворсклы и Орели, даже в устье Сулы, известны отдельные факты нахождения антропоморфных стел, видимо, даже идолов, которые имели гравированные изображения на поверхности. О первом из них, обнаруженном неподалёку от современного устья Сулы, сохранилась информация, почерпнутая из рассказов жителей с. Нарожье Семеновского района Полтавской обл. Так, в начале 1970-х гг. в ходе сельскохозяйственных работ на насыпи наиболее крупного кургана, высотой около 2 м в составе группы к северо-востоку от названного села, расположенной на возвышении третьей террасы левого берега реки, выпахано изваяние из песчаника «призматической, расширенной кверху формы, высотой около 1 м, имевшее прочерченное изображение в виде дерева на одной из сторон, а на другой — контур отпечатка стопы ноги». Это сообщение зафиксировано в 1981 г. в ходе осмотра курганов на возможном месте строительства мелиоративной системы (Супруненко,

1981, арк. 3-4). Скульптура была перенесена в близлежащую лесопосадку и, видимо, засыпана грунтом от последующего разрушения насыпи кургана. Организованные осенью 1981 г. по следам сообщения поиски изваяния, увы, не дали положительных результатов.

Ещё одна стела с минимальной иконографической «нагрузкой» была обнаружена в окрестностях Полтавы, у с. Бурты Полтавского района Полтавской обл. в 1971 г., во время сооружения оросительной системы, в 0,25 км к северо-западу от села. Мелиораторами была снесена насыпь небольшого распаханного кургана высотой до 0,5 м и диаметром около 20 м, расположенного в 0,6 км к юго-западу от известной группы курганов (*Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 80*) на мысу правого коренного берега р. Коломак (левый приток р. Ворскла). В центре насыпи строителями была задета подпрямоугольная в плане яма погребения, окруженная остатками материкового выкида, а около неё, к югу, стояла установленная в грунте антропоморфная стела в вертикальном положении (*Супруненко, 1992, с. 41*). Погребение так и осталось не исследованным.

Стела представляла собой песчаниковую подпрямоугольную плиту вытянутых пропорций, со сравнительно высоким и широким призматическим выступом головы, с более широкой основой, грани которой были округлены. Верхняя часть скульптуры была на 15 см шире нижней, на уровне 0,22-0,25 м от основания прослеживался высолненный след от закапывания изваяния в погребённый грунт вблизи захоронения. На левом прямом плече стелы имелось пять лункообразных ямок, диаметром до 3 см и глубиной 2,0-2,5 см (рис. 10-11). Никаких изображений на правом плече заметно не было. Довольно аккуратно выровненная поверхность всех сторон стелы местами сохраняла следы шлифования.

Высота изваяния – 131 см; ширина – 69-84 см; толщина – 16-18 см; высота выступа головы – 12 см; его ширина – 44 см; толщина – 9-12 см (рис. 11). На сегодня скульптура считается утерянной, хотя находилась практически на месте выявления в засыпанной мелиоративной траншее (*Антропоморфна стела, 1992, с. 17: фото*).

По типологии антропоморфных стел южно-бугского локального варианта ямной культурно-исторической общности племён, изваяние может быть отнесено к 7-му или 8-му типам (*Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с. 27*). В ключе классификационного построения Е.Ю. Новицкого стела относится к изваяниям типа II Г (*Новицкий, 1990, с. 22*). Из аналогий Буртовской скульптуре можно назвать стелы из погребения 7 кургана № 22 у Отрадного (*Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с. 29, рис. 9: 5*), погребения 6 кургана № 1 группы курганов VIII неподалёку от Ковалёвки (*Там же, с. 31, рис. 10: 4*) в бассейне Южного Буга, погребения

Рис. 10. Бурты, с.
Выпаханная стела.
Песчаник. 1972 г.

7 кургана № 1 возле Глубокого, погребения 5 кургана № 1 у Большого Дальника в Северо-Западном Причерноморье (*Новицкий, 1990, с. 162, 176, рис. 11: 3; 25: 2*) и ряд др. В целом обоснованным является отнесение скульптуры к кругу монументальной каменной пластики позднейших племён (*Новицкий, 1990, с. 36; Супруненко, 1992, с. 43*).

Кстати, находка этой стелы на сегодня является наиболее северной на Левобережье Днепра среди антропоморфных изваяний эпохи раннего металла (*Супруненко, 1991, с. 158*). Правда, скульптура из Буртов – это всё-таки более или менее ординарная стела.

В общем, этим небольшим перечнем памятников древнейшей монументальной скульптуры для территории Полтавщины, известных на 1980-е гг. и заканчивался. Но с началом исследований крупных курганов в устье Псла в 1992-1993 гг., на исторической Кременчугщине начал очерчиваться наиболее северный район распространения памятников мегалитической скульптуры эпохи раннего металла в Украине, охватывающий нижние течения рек Псла, Сухого Кобелячка, вероятно, Ворсклы, и связанный с выходами в этом районе отложений серых и розовых гранитов. Первые массовые находки стел происходили из крупного

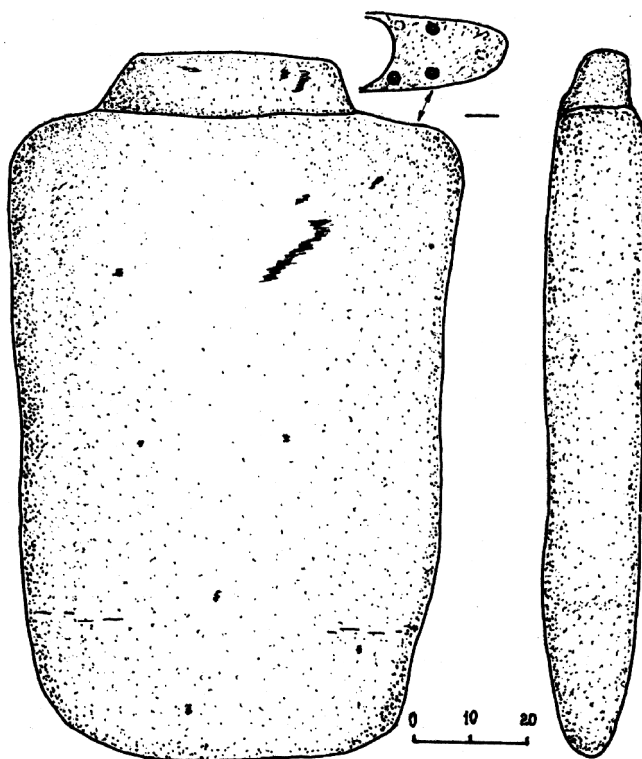

Рис. 11. Бурты, с.
Стела. Прорисовка.

кургана Кормилица у с. Лавриковка, раскопанного Ю.А. Шиловым в окрестностях Комсомольска (Шилов, 1995а, с. 39-41). Затем образцы каменной монументальной пластики были обнаружены в ходе раскопок группы курганов у бывшего с. Чирвовка (Шилов, 2007, с. 44-48) на северо-западной окраине того же Комсомольска. Большинство выявленных в курганах стел принадлежало к наиболее древним типам скульптур примитивных форм и стратиграфически связывалось с погребальной практикой среднестоговского, постмариупольского (квитянского), нижнемихайловского и древнеямного населения (Шилов, 2007). Эти более двух десятков архаических стел не имели ничего общего с иконографически насыщенными изображениями идолами финала раннего и так называемого «среднего» бронзового веков.

С началом систематических научно-спасательных работ в зонах расширения карьеров ОАО «Полтавский горно-обогатительный комбинат» в окрестностях Комсомольска в 2003-2011 гг. количество известных стел удвоилось, а проведение сплошных разведок на территории Дмитровского сельского совета г. Комсомольск, Пришибского и Саловского сельских советов Кременчугского района (Супруненко, Мироненко,

Лямкін, Сидоренко, 2008, с. 89-91; Супруненко, Мироненко, Сидоренко, Лямкін, 2008, с. 327-329; Супруненко, Шерстюк, 2009, с. 15-74), наконец, раскопок курганов на месте планируемого расположения Белановского карьера в пределах Бондаривского сельского совета Кременчугского района Полтавской области (Супруненко, Скорий, Шерстюк, 2010, с. 91, 103, рис. 4: 2; 6: 3) довели количество археологически задокументированных стел или их остатков до 60 (Супруненко, 2008, с. 22-26).

Результатом этих работ стало выделение более или менее репрезентативных групп древнейших изваяний, которые можно было отнести ещё к поздненеолитической эпохе (Супруненко, 2008, с. 18, 22, рис. на с. 18), преимущественно — ко времени энеолита, в частности — к кругу памятников «серезлиевского» типа (Супруненко, Скорий, 2011, с. 6; Супруненко, Скорий, Шерстюк, 2011, с. 333-334), широчанско-баратовского типа нижнемихайловской культуры (Супруненко, 2006, с. 31-37, рис. 35-39; Супруненко, Скорий, Шерстюк, 2010, с. 91, 103, рис. 4: 2; 6: 3), единичного, — возможно, даже к репинской культуре (Супруненко, 2007, с. 47-52, рис. 50: 1, 3; 2008, с. 21, рис.), а также многочисленных стел ранне- и позднеямного времени эпохи раннего бронзового века (напр.: АЛЛУ, 2005, № 1-2, с. 1 обл.; Супруненко, Шерстюк, 2010, с. 285-286, рис. 1) (рис. 12).

Довольно интересным было выделение группы небольших стелобразных надгробий, установленных на насыпях курганов над камерами катакомбных захоронений, одно из которых имело чётко смоделированные антропоморфные формы (Супруненко, 2007, с. 29, рис. 24: 2; 2007б, с. 350, рис. 3: 2; Супруненко, Кулатова, 2010, с. 400). Но ни одна из обнаруженных стел всё же не обладала выразительными иконографическими чертами идолов, выделяясь разве что единичными изображениями, исполненными в рельефе или контррельефе (Супруненко, Шерстюк, 2009, с. 18, 44, 49, , рис. 10, 51, 62, 63; 2010, рис. 1), подтверждая, таким образом, уникальность Фёдоровского статуарного изваяния (рис. 12-13).

Лишь единственный обломок одной из древних скульптур, выявленный на дневной поверхности близ устья Сухого Кобелячка, может в какой-то степени претендовать на условное отнесение к числу идолов финала раннего бронзового века.

Он представлен в коллекции Комсомольского историко-краеведческого музея и экспонируется как деталь архаического монумента (Супруненко, Мироненко, Сидоренко, Лямкін, 2008, с. 328-329; Кулатова, Лямкін, 2008, с. 63, рис.; Супруненко, 2011, с. 54, 57, 58, рис. 1). Обломок изваяния обнаружен на правом берегу р. Сухой Кобелячок, в 1,4 км к югу от с. Карповка Саловского сельского совета Кременчугского района, на

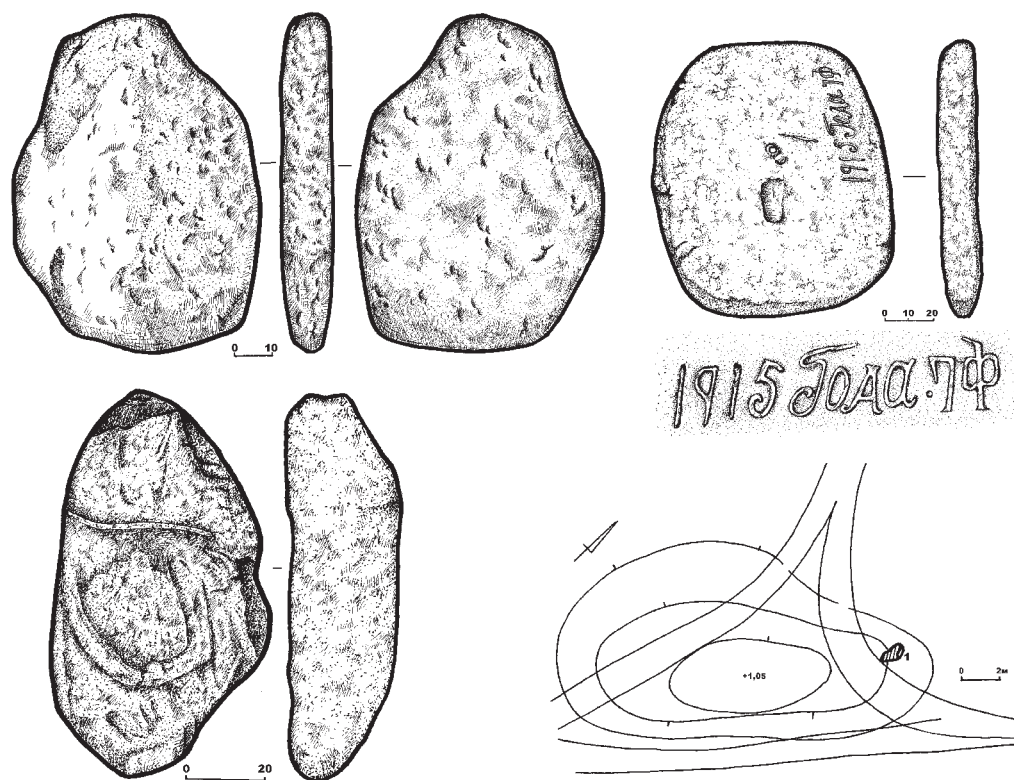

Рис. 12. **Петрашѣвка, с.** Стелы, выявленные в разрушенных курганах. *Гранит*. 2008 г.

задернованном мысу надпойменной террасы высотой около 2,5 м, между двумя курганами группы III, на месте некогда существовавшей нерегулярной застройки снесенного в 1960-х гг. с. Старая Саловка (Супруненко, Шерстюк, 2009, с. 71-73, рис. 91; 95).

Находка выявлена во время разведки научными сотрудниками Центра охраны и исследований памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации с целью подготовки материалов тома «Свода памятков истории и культуры» по Полтавской области (Супруненко, Мироненко, Сидоренко, 2007, арк. 31-32). Это был обломок нижней части каменной скульптуры в виде природно отслоенной плиты серого гранита, со скругленными и оббитыми боковыми гранями, выветренными следами обработки путём незначительного скалывания и подтёсывания. Эта плита имела подтреугольный скол, который появился в древности вследствие раскалывания верхней части статуи (вкл. IV).

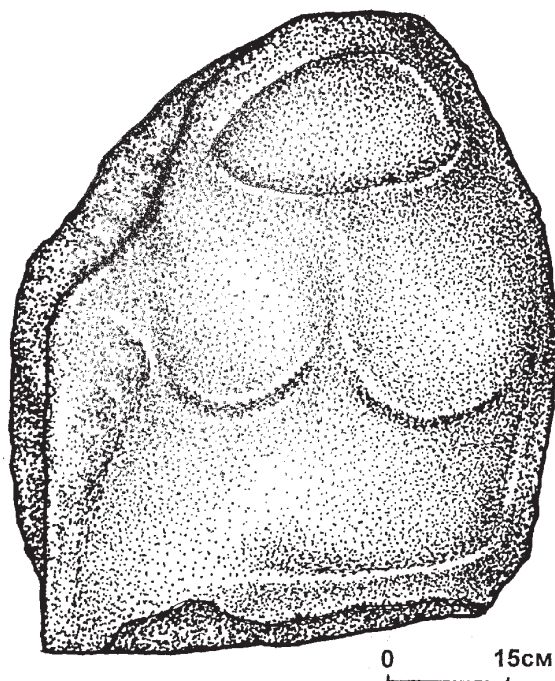

Рис. 13. Пришиб, с. Стела на насыпи существующего кургана. Гранит. 2007 г.

Высота обломка – 67,3 см; ширина – 66,5 см; толщина – 12,0-14,2 см. Вес фрагмента – более 70 кг. На поверхности сохранились следы царапин и сколы гранита, а также протёртых и выгравированных изображений (рис. 14).

В нижней части стелы с лицевой, лучше обработанной и выровненной стороны высечен рисунок из пяти перекрещенных линий, которые местами выходят за пределы основного изображения, образуя прямые кресты. К ним «приобщены» ещё несколько коротких линий, пересекающих более длинные прямые или же завершающих их. Высота этого изображения – 42 см, ширина – 37 см, глубина прочерченных линий – от 1-2 до 5 мм. Анализ древней композиции в поляризованном свете выявляет контуры рисунка типа стилизовано-схематического изображения повозки со впряженными в неё животными, переданного в схеме с верхней позиции. Напротив него нечётко прочерчен вытянутый прямоугольник (Супруненко, Мироненко, Лямкин, Сидоренко, 2008, с. 91, рис.3; Супруненко, 2011, с. 58, рис. 1; 2011а, с. 24-25, рис. 1).

Интерпретация указанного изображения базируется на уже неоднократно рассматривавшихся исследователями соответствиях в петроглифическом комплексе Каменной Могилы в Приазовье. Среди наскальных изображений гротов 37 и 46 имеются рисунки «упряжек бы-

ков», показанных в проекции сверху (Михайлов, 2003, с. 8, 12, рис. 3: 2). На них в своё время обратил внимание М.Я. Рудинский, писавший: «... изображена пара быков (то есть их роги, ярмо и дышло), которые тянут какой-то предмет, выполненный в виде прямоугольника, перекрещенного тремя параллельными линиями – прообраз ... земледельческого орудия или транспортного средства» (Рудинский, 1961, с. 79). Б.Д. Михайлов атрибутировал последний как повозку типа саней, которую и поныне используют крестьяне в современной Турции (Анатолия) для молотбы колосьев пшеницы (Михайлов, 1998, с. 68–69). Подобные рисунки известны от севера Италии и юга Германии до предгорий Северного Кавказа (Армавирская плита) и Армении. Они датируются довольно широко – рамками эпохи бронзового века (Краснов, 1975, с. 68, рис. 7, 10–11). В.Н. Гладилін относил такие изображения к первой четверти II тыс. до н. э. (Гладилін, 1964, с. 82–88). И несмотря на то, что «вопрос об этно-исторической принадлежности ... рисунков остается не решенным», Б.Д. Михайлов считал их отображением культовой практики (обряд ритуальной молотбы) в Северо-Причерноморских степях в период господства ямно-катакомбных культур (Михайлов, 2000, с. 85).

Необходимо также указать, что иконография графического изображения на Карповской стеле подобна петроглифическим изображениям колесниц или повозок эпохи бронзового века Северного Казахстана, имеет отдельные параллели в сюжетах наскальных рисунков юга пустыни Гоби, а также в изображениях повозок на посуде из Центральной Европы (Чередниченко, 1976, с. 136, 137, 143).

Приведенные аналогии и параллели, мнения исследователей убеждают в аутентичности гравированного сюжета в нижней части стелы, который мог передавать на «тяжелом» для древнего графика материале – граните – именно упряжку быков, связанную с «перенесением в потусторонний мир», жертвенную церемонию нарезания первой борозды и пр. Вероятность помещения такого сюжета на поверхность скульптуры, которая должна была венчать насыпь кургана, вполне вероятна. Косвенно это подтверждается и наличием древнего повреждения стелы – отбитой верхней части (принесение в жертву). Прерывающаяся вертикальная линия справа от описанной композиции, завершающаяся вверху галочкой, вполне может передавать стилизованную фигуру человека, тогда как зоо-антропоморфный сюжет логично мог дополняться слева прямоугольным контуром вспаханного поля (Супруненко, 2011, с. 56) (рис. 14).

Так как большинство плитообразных стел с обработанными боковыми гранями в нижнем течении Сухого Кобелячка и в округе Комсо-

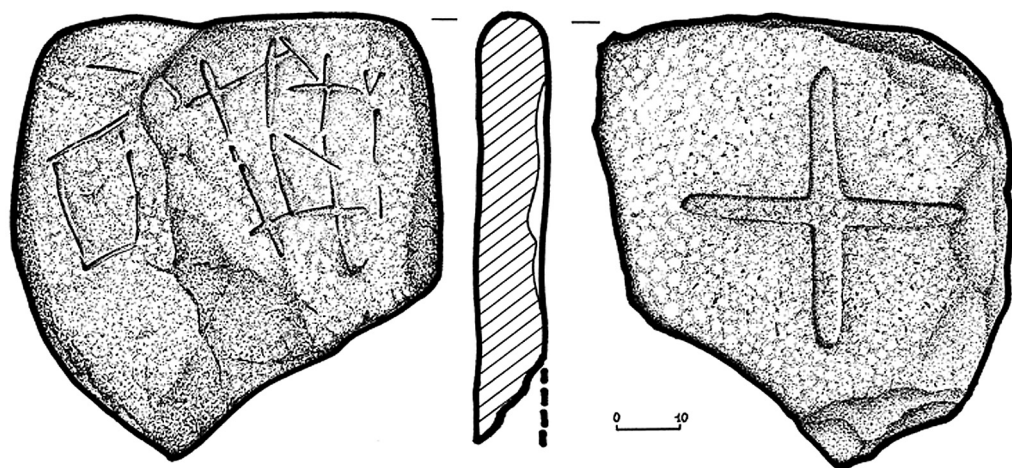

Рис. 14. Карповка, с. Обломок изваяния. Прорисовка. Гранит. 2007 г.

мольска могут быть соотнесены с элементами погребальной обрядности позднейших и катакомбных племён, в целом возможно отнести время изготовления Карповской скульптуры к концу первой или же ко второй четверти II тыс. до н. э. (Новицкий, 1990, с. 36). Типологически стела могла бы принадлежать к группе древнейших идолов со сравнительно богатой иконографией, но её окончательная типологическая атрибуция затруднена сохранностью лишь фрагмента нижней части скульптуры.

Таким образом, Карповское изваяние является уникальным для неолитической древней резной графики, выполнявшейся на местном граните. Его наличие – очередное подтверждение того, что подобные произведения монументального искусства имели распространение и были характерными для широкого ареала расселения степных племён эпохи раннего бронзового века не только в зонах преобладания песчаников и известняков, но и в местах отсутствия таких пород камня. Поэтому для изготовления образцов монументальной скульптуры в Припсёлье использовались местные недолговечные крошащиеся граниты.

Через 3,5 тыс. лет древнее культовое предназначение стелы как монумента на кургане получило очередное «продолжение» в использовании его в качестве надгробия.

Посредине оборотной, не очень выровненной плоскости, на обломке плиты разместили протёртый широкими ровными линиями прямой «греческий» крест, а вокруг него радиальным кольцом – еле различимые затёртые контурные углубления, которые, возможно, окружали изобра-

жение в виде «сияния» (рис. 14; вкл. IV: 2). Они могли быть нанесены путём протирания гранита абразивом или твёрдой каменной галькой.

Рисунок на оборотной плоскости подобен резной графике казацких гранитных надгробий конца XVIII-XIX вв., которые получили распространение в соседнем местечке Келеберда и близлежащих селах (*Пуголовок, 2004, с. 140-142; 2006, с. 322; 2007; 2009; Супруненко, Шерстюк, 2009, с. 18, 21, 25-27, рис. 11, 15-18, 22-30*). Именно для изготовления такого «памятника» жители Старой Саловки и воспользовались обломком стелы, выпавшим у насыпи кургана. Фрагмент древней скульптуры в XIX ст. был реутилизирован в качестве надгробия и установлен на могилу. По свидетельству старожилов, в 50-70 м к западу от места находки до 1960-х гг. еще существовало заброшенное сельское кладбище.

Итак, Карповское изваяние является уникальным памятком древней монументальной скульптуры с выразительными графичекими изображениями эпохи финала раннего бронзового века, а также историческим свидетельством распространения в округе современного Комсомольска казацких традиций установления на некрополях стелообразных надмогильных каменных надгробий с изображениями и надписями. Вместе с тем, оно дает представление о специфике местных традиций использования древних скульптур, в особенности на Кременчугщине, где большинство средних и больших по размерам курганов сплошь заняты кладбищами украинского населения XVIII-XX вв. (*Шерстюк В.В., Шерстюк I.В., 2006, с. 147-150*).

Таким образом, учитывая приведенное, в завершение остаётся констатировать факт уникальности Фёдоровского идола как редчайшего памятника монументальной скульптуры и яркого свидетельства идеологических воззрений населения бронзового века Днепровского Степного Левобережья второй четверти II тысячелетия до н. э. А опубликованные результаты археологических исследований Фёдоровского кургана, как и новые находки стел в пределах Полтавской области Украины, надемся, заинтересуют исследователей древнейшей каменной статуарной пластики и будут способствовать изучению явления распространения мегалитической скульптуры в истории ряда древних народов Евразии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные работы

Алексеева, 1975

Алексеева И. Л. Отчёт о работе Днестро-Дунайской экспедиции. 1975 г. / И. Л. Алексеева // НА ІА НАНУ. – Ф.е. – 1975. – №№ 7714-7715. – 58, 44 арк.

Кулатова, Супруненко, 1987

Кулатова И. Н. Отчёт о разведках и охранных раскопках в Поворсклье и Поорелье в 1987 г. (Полтавская область) / И. Н. Кулатова, А. Б. Супруненко // НА ІА НАНУ. – Ф.е. – 1987/56. – 19 арк., 29 табл., 6 арк.; НА ЦОДПА. – Ф.е. – Спр. 16. – 27 арк.

Кулатова, Супруненко, 1988

Кулатова И. Н. Отчёт о раскопках и разведках на Полтавщине в 1988 г. / И. Н. Кулатова, А. Б. Супруненко // НА ІА НАНУ. – Ф.е. – 1988/136. – 78 арк., 177 рис., 22 арк.; НА ЦОДПА. – Ф.е. – Спр. 18. – 102 арк.; Альбом (окр. прим.): Спр. 240. – 35 арк.

Перелік, 2010

Перелік щойно виявлених об'єктів археології Полтавської області (форма 1) // Робочий архів ЦОДПА. – 2010. – 174 арк.

Супруненко, 1981

Супруненко А. Б. Антропоморфная стела эпохи энеолита из с. Фёдоровка Карловского района Полтавской области. 1981 г.: научная справка / А. Б. Супруненко // НА ПКМ. – Спр. 04-166. – 16 арк., 4 рис.

Супруненко, 1982

Супруненко О. Б. Звіти про відрядження з метою обстеження пам'яток археології по сигналам з місць та пам'яток у зонах «малої» меліорації. 1981-1982 рр. / О. Б. Супруненко // НА ПКМ. – Спр. 04-189. – 9 арк.

Супруненко, Гавриленко, 1986

Супруненко А. Б. Отчёт о разведках в Нижнем Поворсклье и Поорелье в 1986 г. / А. Б. Супруненко, И. Н. Гавриленко // НА ІА НАНУ. – Ф.е. – 1986/84. – 72 арк., 131 рис., 16 арк.; НА ЦОДПА. – Ф.е. – Спр. 49. – 72 арк.; Альбом: Спр. 50. – 23 арк.

Супруненко, Мироненко, Сидоренко, 2007

Супруненко О. Б. Звіт про археологічні обстеження у пониззі Псла та в гирлі р. Сухий Кобелячок на території Кременчуцького району Полтавської області у вересні 2007 р. (розвідки по «Зводу пам'яток історії та культури») / Супруненко О. Б., Мироненко К. М., Сидоренко О. В. // НА ІА НАНУ; НА ЦОДПА. – Ф.е. – Спр. 496. – 126 арк.

Литература

Антропоморфна стела, 1992

Антропоморфна стела доби раннього металлу: с. Бурти Полтавського р-ну / Фото Пойдьома В. О., Сидоренко Г. О., 1972 / [Публ. О. Б. Супруненко] // АЗ ПКМ. – Полтава : вид. ПКМ, 1992. – Вип. 1. – С. 17. – Фото на шмуцтитулі збірника.

Батчаев, Корневский, 1980

Батчаев В. М. Находка оригинального топора в майкопском погребении у с. Лечинкай / В. М. Батчаев, С. Н. Корневский // КСИА. – Москва : Наука, 1980. – Вып. 161. – С. 79-83.

Білоусько, Супруненко, 2004

Білоусько О. А. Давня історія Полтавщини (XX тисячоліття до н.е. – V ст. н.е.): Підручник для 6 кл. загальноосвітньої школи / О. А. Білоусько, О. Б. Супруненко. – Полтава : Оріяна, 2004. – 160, VIII с.

Березанская, 1986

Березанская С. С. Культура многоваликовой керамики / С. С. Березанская // Березанская С. С., Отрошенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев : Наукова думка, 1986. – С. 5-43.

Березанська, Отрошенко, 1997

Березанская С. С., Отрошенко В. В. Бронзовий вік / С. С. Березанська, В. В. Отрошенко // Давня історія України: В трьох томах. – Т. 1: Первісне суспільство. – Частина друга. – Розділ II. – Глави 1-5. – Київ : Наукова думка, 1997. – С. 387-528.

Братченко, 2001

Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу / С. Н. Братченко. – Луганськ : вид. Луган. НУ, 2001. – Частина II. – 124 с.

Волкобой, Лихачев, Шалабудов, Андросов, 1981

Волкобой С. С. Могильник у с. Башмачка / С. С. Волкобой, В. А. Лихачев, В. Н. Шалабудов, А. В. Андросов // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. – Днепропетровск : Изд-во Дн. ГУ, 1981. – С. 45-60.

Галкин, 1975

Галкин Л. Л. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов / Л. Л. Галкин // СА. – Москва : Наука, 1975. – № 3. – С. 186-192.

Гладилин, 1964

Гладилин М. В. До питання про вік наскельних рисунків Кам'яної Могили / М. В. Гладилин // Археологія. – Київ : Наукова думка, 1964. – С. 82-88.

Давня історія, 1997

Давня історія України: В трьох томах. – Т. 1: Первісне суспільство / Редкол.: В. Н. Станко, С. С. Березанська, В. М. Гладилин та ін. – Київ : Наукова думка, 1997. – 559 с.

Даниленко, Шмаглій, 1972

Даниленко В. М. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи / В. М. Даниленко, М. М. Шмаглій // Археологія. – Київ : Наукова думка, 1972. – № 6. – С. 3-20.

Даниленко, 1974

Даниленко В. Н. Энеолит Украины : Этноисторическое исследование / В. Н. Даниленко. — Киев : Наукова думка, 1974. — 176 с.

Дворянинов, 1980

Дворянинов С. А. Энеолитические календари на юге Европейской части СССР / С. А. Дворянинов // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. — Киев : Наукова думка, 1980. — С. 42-52.

Довженко, 1979

Довженко Н. Д. Поховання з антропоморфними стелами у світлі етнографічних матеріалів / Н. Д. Довженко // Археологія. — Київ : Наукова думка, 1979. — № 32. — С. 27-35.

Довженко, Рычков, 1988

Довженко Н. Д. К проблеме социальной стратификации племен ямной культурно-исторической общности / Н. Д. Довженко, Н. А. Рычков // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — Киев: Наукова думка, 1988. — С. 27-40.

Довженко, 1989

Довженко Н. Д. К проблеме реконструкции систем идеологических представлений у племён Степного Причерноморья в эпоху палеометалла / Н. Д. Довженко // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: ТД XX Республ. конф. (Одеса, жовтень 1989 р.). — Київ : Наукова думка, 1989. — С. 66-68.

Довженко, 1990

Довженко Н. Д. О традиции изображения «стоп» в погребальном обряде катакомбных культур Северного Причерноморья / Н. Д. Довженко, О. Б. Солтыс // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — Киев, 1990. — С. 117-127.

Довженко, 1993

Довженко Н. Д. Проблеми дослідження найдавніших мегалітичних пам'яток України / Н. Д. Довженко // Праці Центру пам'яткознавства. — Київ : вид. ЦП НАНУ і УТОПІК, 1993. — № 2. — С. 108-135.

Довженко, 2003

Довженко Н. Д. «Енеолітичні» ідоли Степової України: парадокси датування / Н. Д. Довженко // Наукові записки: Історичні науки. — Київ : вид. НУКМА, 2003. — Т. 21. — С. 4-5.

Дьяконов, 1982

Дьяконов И. М. Научные представления на Древнем Востоке (Шумер, Вавилония, Передняя Азия) / И. М. Дьяконов // Очерки истории естественных наук в древности. — Москва : Наука, 1982. — С. 59-119.

Златковская, 1963

Златковская Т. Д. К вопросу об этнокультурных связях племён южнорусских степей и Балканского полуострова в эпоху бронзы / Т. Д. Златковская // Сов. этнография. — Москва : Изд во АН СССР, 1963. — № 1. — С. 87-98.

Иванов, 1990

Иванов В. В. Реконструкция структуры символики и семантика индоевропейского погребального обряда / В. В. Иванов // Исследования в области балто-славянской духовной культуры : (Погребальный обряд). — Москва : Наука, 1990. — С. 5-11.

Иванова, 1990

Иванова С. В. Об утилитарно-магических функциях одной из категорий погребального инвентаря / С. В. Иванова // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья / ТД. – Херсон : изд. Херсон. истор.-археол. музея, 1990. – С. 58-59.

Иессен, 1962

Иессен А. А. Майкопская культура и её датировка / А. А. Иессен // ТД на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевого сезона 1961 г. – Москва: изд. ИА АН СССР, 1962. – С. 19-20.

Кёйпер, 1986

Кёйпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии / Ф. Б. Я. Кёйпер. – Москва : Наука, 1986. – 196 с.

Климишин, 1985

Климишин И. А. Календарь и хронология / И. А. Климишин. – Москва : Наука, 1985. – 192 с.

Ковалева, Волкобой, Марина и др., 1977

Ковалева И. Ф. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары / И. Ф. Ковалева, С. С. Волкобой, З. П. Марина и др. // Курганные древности Степного Поднепровья (III – I тыс. до н. э.). – Днепропетровск : Изд-во Дн. ГУ, 1977. – С. 8-113.

Ковалёва, 1983

Ковалёва И. Ф. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов (по материалам культур бронзового века Левобережной Украины) / И. Ф. Ковалёва. – Днепропетровск : Изд-во Дн. ГУ, 1983. – 108 с.

Ковалёва, 1984

Ковалёва И. Ф. Север Степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке / И. Ф. Ковалева. – Днепропетровск : Изд-во Дн. ГУ, 1984. – 116 с.

Ковалёва, 1989

Ковалёва И. Ф. Социальная и духовная культура племён бронзового века (по материалам Левобережной Украины) / И. Ф. Ковалева. – Днепропетровск : Изд-во Дн. ГУ, 1989. – 90 с.

Краснов, 1975

Краснов Ю. А. Древнейшие упряжные пахотные орудия / Ю. А. Краснов. – Москва : Наука, 1975. – 184 с.

Крылова, 1976

Крылова Л. П. Керносковский идол (стела) / Л. П. Крылова // Энеолит и бронзовый век Украины. – Киев : Наукова думка, 1976. – С. 36-46.

Крылова, 1976а

Крылова Л. П., сост. Каменные бабы: Каталог [коллекции Днепропетровского исторического музея им. акад. Д. И. Яворницкого]. – Днепропетровск: Промінь, 1976. – 103 с.

Кузьмина, 1977

Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племён Средней Азии и других народов Старого света / Е. Е. Кузьмина // Средняя Азия в древности и средневековье: (История и культура). – Москва: Наука, 1977. – С. 28-52.

Кулатова, Лямкін, 2008

Кулатова І. М. Скансен Комсомольського історико-краєзнавчого музею «Святині» / І. М. Кулатова, В. В. Лямкін // Звід пам'яток історії та культури України : Полтавська область. Комсомольська міська рада / Упорядн., наук. ред. Супруненко О. Б. – Київ-Полтава : Полтавський літератор, 2008. – С. 62-64.

Кулатова, Супруненко, 1999

Кулатова І. М. Кургани поблизу с. Дмитрівка у межиріччі Ворскли та Орелі / І. М. Кулатова, О. Б. Супруненко. – Київ-Полтава: Археологія, 1999. – 32 с.

Кушнарєва, Чубинишвили, 1970

Кушнарєва К. К. Древние культуры Южного Кавказа (V – III тыс. до н. э.) / К. К. Кушнарєва, Т. Н. Чубинишвили. – Ленинград : Наука, 1970. – 192 с.

Лесков, 1967

Лесков А. М. Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племён бронзового века Северного Причерноморья / А. М. Лесков // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. – Киев : Наукова думка, 1967. – С. 7-19.

Лесков, 1981

Лесков А. М. Курганы : Находки, проблемы / А. М. Лесков. – Ленинград : Наука, Лен. отд., 1981. – 181 с.

Мартиросян, 1971

Мартиросян А. А. Наскальные изображения Гегамских гор / А. А. Мартиросян, А. Р. Израелян // Археологические памятники Армении. – Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1971. – Т. 6. – Вып. 2 – 66 с.

Мерперт, 1974

Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья / Н. Я. Мерперт. – Москва : Наука, 1974. – 152 с.

Мешкерис, 2001

Мешкерис В. А. Находки древнейших инструментов в Краснодарском крае в свете современных проблем музыкальной археологии (по материалам Кубанской экспедиции ИИМК РАН) / В. А. Мешкерис // Третья Кубанская археологическая конференция / ТД. – Краснодар-Анапа : ООО «Крайбибколлектор», 2001. – С. 110-114.

Михайлов, 1990

Михайлов Б. Н. Курганы эпохи бронзы в бассейне реки Молочная / Б. Н. Михайлов // Древности степного Поднепровья и Крыма. – Запорожье : изд. Запорож. ГУ, 1990. – Т. 1. – С. 107-115.

Михайлов, 1994

Михайлов Б. Д. Петроглифы Каменной Могилы на Украине (семантика, хронология, интерпретация) / Б. Д. Михайлов. – Запорожье : ИПК «Запоріжжя», 1994. – 196 с.

Михайлов, 1998

Михайлов Б. Д. Подземный «эрмитаж» Приазовья / Б. Д. Михайлов. – Запорожье : изд. ИКЗ «Каменная Могилы», 1998. – 89 с.

Михайлов, 2000

Михайлов Б. Д. Петроглифы Каменной Могилы как связующее звено в первобытном искусстве Западной Европы и Азии / Михайлов Б. Д. // Международная

конференция по первобытному искусству (3-8 августа 1998 г.) : Материалы. — Кемерово : Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 2000. — Т. 2. — С. 78-87.

Михайлов, 2003

Михайлов Борис. Каменная Могила и её окрестности : сб. науч. ст. / Б. Д. Михайлов. — Запорожье : Дикое Поле, 2003. — 174 с.

Новицкий, 1990

Новицкий Е. Ю. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья / Е. Ю. Новицкий // Вестник Одесского охранного археологического центра. — Одесса : изд. Одесс. охран. археол. центра, 1990. — Вып. II. — 184 с.

Окладников, 1970

Окладников А. П. Петроглифы Забайкалья / А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. — Ленинград : Наука, 1970. — Ч. 2. — 264 с.

Памятники, 1985

Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины: Каталог выставки / Гороховский Е. Л., Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., Моргунов Ю. Ю., Супруненко А. Б. — Полтава: изд. ПКМ, 1985. — 56 с.: 95 ил.

Патокова, 1957

Патокова Э. Ф. Изображения животных на памятниках Большого Куяльника — Усатова / Э. Ф. Патокова // Материалы по археологии Северного Причерноморья. — Одесса : изд. ОАМ, 1957. — Вып. 1. — С. 34-40.

Петренко, 1984

Петренко В. Г. Каменная плита с изображениями с Усатова / В. Г. Петренко // Северное Причерноморье : (Материалы по археологии). — Киев : Наукова думка, 1984. — С. 14-23.

Попова, 1990

Попова Т. Б. Бородинский клад / The Borodino Treasure. — Москва: Внешторгиздат, изд. ГИМ, [1990]. — [20 с.].

Пуголовок, 2004

Пуголовок Ю. О. Некрополь доби пізнього українського середньовіччя в околицях Келеберди на Полтавщині / Пуголовок Ю. О. // АЛЛУ. — Полтава : Археологія, 2004. — № 1-2 (15-16). — С. 139-142.

Пуголовок, 2006

Пуголовок Ю. О. Роботи на некрополі доби пізнього українського середньовіччя в околицях с. Келеберда Келебердянської сільради Кременчуцького р-ну Полтавської області у 2005 р. / Ю. О. Пуголовок // АДУ 2004-2005. — Київ-Запоріжжя : Дике поле, 2006. — Вип. 8. — С. 320-322.

Пуголовок, 2007

Пуголовок Ю. О. Нові дані про кладовища доби пізнього українського середньовіччя на території Полтавської області / Ю. О. Пуголовок // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні : зб. наук. ст. — Київ : вид. ЦП НАНУ і УТОПІК, 2007. — Вип. XVI. — С. 20-23.

Пуголовок, 2009

Пуголовок Ю. О. Надмогильні монументи з Келебердянського кладовища / Ю. О. Пуголовок // АЛЛУ. — Полтава : Археологія, 2009. — № 1 (25). — С. 3 обкл.

Пустовалов, 1991

Пустовалов С. Ж. К вопросу о социальной стратификации у носителей катакомбной культуры Северного Причерноморья / С. Ж. Пустовалов // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — Киев : РАМУС, 1991. — С. 22-41.

Пустовалов, 2005

Пустовалов С. Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я / С. Ж. Пустовалов. — Київ : Шлях, 2005. — 412 с.

Равдоникас, 1938

Равдоникас В. И. Наскальные изображения Белого моря. — Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1938. — 160 с.

Рассамакин, 1997

Рассамакин Ю. Я. Енеоліт та бронзовий вік [підрозділи, присвячені скотарям та індоєвропейській проблемі] / Ю. Я. Рассамакин // Давня історія України: В трьох томах. — Т. 1: Первісне суспільство. — Частина друга. — Розділ І. — Київ : Наукова думка, 1997. — С. 273-309, 317-337, 358-374.

Ригведа, 1972

Ригведа. Избранные гимны / Пер., комм. и вступ. статья Елизаренковой Т. Я. — Москва : Наука, 1972. — 418 с.

Рудинський, 1961

Рудинський М. Я. Кам'яна Могила: (корпус наскельних рисунків) / М. Я. Рудинський. — Київ : Вид во АН УРСР, 1961. — 140 с.

Рычков, 1979

Рычков Н. А. К вопросу об антропоморфных стелах рубежа энеолита и эпохи бронзы / Н. А. Рычков // Памятники древних культур Северного Причерноморья. — Киев : Наукова думка, 1979. — С. 14-20.

Рычков, 1982

Рычков М. О. Про зображення «ступнів ніг» на антропоморфних стелах доби раннього металу / М. О. Рычков // Археологія. — Київ : Наукова думка, 1982. — № 38. — С. 64-70.

Санжаров, 1982

Санжаров С. Н. Катакомбное погребение близ г. Северска / С. Н. Санжаров // Сов. археология. — Москва : Наука, 1983. — № 3. — С. 202-207.

Сидоренко, Махно, Телегін, 1982

Сидоренко Г. О. Довідник з археології України. Полтавська область / Г. О. Сидоренко, Є. В. Махно, Д. Я. Телегін. — Київ : Наукова думка, 1982. — 108, 2 с.

Супруненко, 1979а

Супруненко О. З глибини тисячоліть / Олександр Супруненко // Колос. — м. Кобеляки Полтавської обл. — 1979. — 17 липня. — № 84 (6805). — С. 3.

Супруненко, 1979б

Супруненко О. Стела епохи енеоліту / Олександр Супруненко // Комсомолец Полтавщини. — м. Полтава. — 1979. — 27 вересня. — № 116 (3337). — С. 4.

Супруненко, 1986а

Супруненко А. [Археологическая выставка в Полтавском краеведческом музее] / А. Супруненко // Сов. музей. — Москва, 1986. — № 3. — С. 51: 2 фото.

Супруненко, 1986б

Супруненко О. Б. Рідкісна іконографія / О. Б. Супруненко // ПУ. – Київ : УТОПІК, 1986. – № 3. – С. 45: іл. – *Передрук*: Вісті з України. – м. Київ. – 1986. – Жовтень. – № 41. – С. 8: фото.

Супруненко, 1988

Супруненко А. Б. Экспозиция по археологии Полтавщины : Путеводитель / А. Б. Супруненко. – Полтава : Облполиграфиздат, 1988. – 16 с.

Супруненко, 1990

Супруненко А. Б. Археологические памятники Карловского района Полтавской области : Каталог / А. Б. Супруненко. – Полтава : изд. ПКМ, 1990. – 82 с.

Супруненко, 1990а

Супруненко А. Б. О Фёдоровском идоле и кургане / А. Б. Супруненко // Охорона та дослідження пам'яток археології Полтавщини: Третій обл. наук. практи. семінар / ТД. – Полтава : Вид во «Полтава», 1990. – С. 80-86.

Супруненко, 1991

Супруненко А. Б. Антропоморфная стела эпохи раннего металла из Полтавской области / А. Б. Супруненко // Сов. археология. – Москва: Наука, 1991. – № 3. – С. 153-160.

Супруненко, 1992

Супруненко О. Б. Археологічні пам'ятки пониззя р. Коломак / О. Б. Супруненко // АЗ ПКМ. – Полтава : вид. ПКМ, 1992. – Вип. 1. – С. 40-56.

Супруненко, 1992а

Супруненко О. Б. Федорівський ідол / [О. Б. Супруненко] // Полтавщина : Енциклопедичний довідник / Кудрицький А. В., відп. редактор. – Київ : Українська енциклопедія, 1992. – С. 934.

Супруненко, 1998

Супруненко О. Б. Сарматське поховання у Полтавському Пооріллі / О. Б. Супруненко // АЛІУ. – Полтава: Археологія, 1998. – № 1-2 (3-4). – С. 41-43.

Супруненко, 2004

Супруненко О. Б. Пам'ятки козацької доби Полтавщини в матеріалах анкетування Центрального статистичного комітету 1873 року / О. Б. Супруненко // Науковий вісник Полтавського університету Споживчої кооперації України. – Полтава : вид. ПУСКУ, 2004. – № 14. – Серія: Гуманітарні науки. – Вип. 3. – С. 80-83.

Супруненко, Кулатова, Маєвська, 2004

Супруненко О. Б. Кургани поблизу Волошиного у пониззі Псла (група курганів III) / О. Б. Супруненко, І. М. Кулатова, за участю С. В. Маєвської // АЛІУ. – Полтава: Археологія, 2004. – № 1 2 (15 16). – С. 47-135.

Супруненко, Кулатова, Мироненко, Артем'єв, Маєвська, 2005

Супруненко О. Б. Старожитності околиць Комсомольська / О. Б. Супруненко, І. М. Кулатова, К. М. Мироненко та ін. – Київ Полтава : Вид-во «Техсервіс», ВЦ «Археологія», 2005. – 140 с. – (Старожитності околиць Комсомольська : частина I).

Супруненко, 2007

Супруненко О. Б. Кургани поблизу с. Солонці на Нижньому Псла / О. Б. Супруненко. – Київ-Полтава : Вид-во «Гротеск», ВЦ «Археологія», 2007. – 142 с. – (Старожитності околиць Комсомольська : частина V).

Супруненко, 2007а

Супруненко О. Б. З історії археологічних досліджень на Полтавщині: Короткий нарис / О. Б. Супруненко. – Київ-Полтава : Вид-во «Гротеск», ВЦ «Археологія», 2007. – 124, XII с. – (Матеріали до «Зводу пам'яток історії та культури»).

Супруненко, 2007б

Супруненко О.Б. Катакомбне поховання в кургані у пониззі Псла / О.Б. Супруненко // АДУ 2005-2007 рр. – Київ-Запоріжжя: Дике поле, 2007. – С. 349-355.

Супруненко, 2008

Супруненко О. Б. Археологічні пам'ятки на території Комсомольської міської ради / О. Б. Супруненко // Звід пам'яток історії та культури України. Полтавська область: Комсомольська міська рада. – Київ-Полтава : Полтавський літератор, 2008. – С. 16-40.

Супруненко, Мироненко, Лямкін, Сидоренко, 2008

Супруненко О. Б. Розвідки у пониззях Сухого Кобелячка і Псла / О. Б. Супруненко, К. М. Мироненко, В.В. Лямкін та ін. // АЛЛУ. – Полтава : Археологія, 2008. – № 1-2 (23-24). – С. 89-93.

Супруненко, Мироненко, Сидоренко, Лямкін, 2008

Супруненко О. Б. Розвідки у пониззях рр. Сухий Кобелячок та Псел на Кременчуччині / О. Б. Супруненко, К. М. Мироненко, О.В. Сидоренко та ін. // АДУ 2006-2007 рр. – Київ : вид. ІА НАНУ, 2008. – С. 327-330.

Супруненко, 2009

Супруненко О. Б. Федорівка с., Карлівський р-н. Культурний комплекс / О. Б. Супруненко // Полтавіка : Полтавська енциклопедія в 12-ти т. – Т. 12 : Релігія і церква. – Полтава : Полтавський літератор, 2009. – С. 654.

Супруненко, 2009а

Супруненко О. Б. Федорівський идол / О. Б. Супруненко // Полтавіка : Полтавська енциклопедія в 12-ти т. – Т. 12: Релігія і церква. – Полтава : Полтавський літератор, 2009. – С. 656.

Супруненко, Шерстюк, 2009

Супруненко О. Б. Пам'ятки археології пониззя Сухого Кобелячка на Полтавщині / О. Б. Супруненко, В.В. Шерстюк. – Київ-Полтава: вид. ЦП НАНУ і УТОПІК, ВЦ «Археологія», 2009. – 104 с. – (Старожитності околиць Комсомольська : частина VII).

Супруненко, Кулатова, 2010

Супруненко О. Б. Кургани поблизу хут. Дуканичі у пониззі Псла / О.Б. Супруненко, І.М. Кулатова // АДУ 2009 р. – Київ-Луцьк: вид. ІА НАНУ, 2010. – С. 398-400.

Супруненко, Скорий, Шерстюк, 2010

Супруненко О. Кургани поблизу с. Білани на Кременчуччині / Олександр Супруненко, Сергій Скорий, В'ячеслав Шерстюк // Полтавський краєзнавчий музей : Маловідомі сторінки історії, музеєзнавство, охорона пам'яток : зб. наук. ст. – Полтава : Полтавський літератор, 2010. – Вип. V. – С. 68-120.

Супруненко, Шерстюк, 2010

Супруненко О. Б. Археологічні обстеження у пониззі Сухого Кобелячка на Полтавщині / О. Б. Супруненко, В.В. Шерстюк // АДУ 2008 р. – Київ : Академперіодика, 2010. – С. 384-387.

Супруненко, 2011

Супруненко О. Б. Унікальна пам'ятка первісного монументального мистецтва з околиць Комсомольська / О. Б. Супруненко // Свічадо Подніпров'я: Краєзнавчий альманах. – Комсомольськ : вид. Комс. ІКМ, 2011. – Книга VI-VII. – С. 54-58.

Супруненко, 2011a

Супруненко О. Б. Дві пам'ятки монументальної скульптури доби раннього металу з околиць Комсомольська / О. Б. Супруненко // Музейний вісник: Науково-теоретичний щорічник. – Запоріжжя : вид. ЗОКМ, 2011. – № 10. – С. 23-30.

Супруненко, Скорий, 2011

Супруненко О. Б. Рятівні дослідження курганів у пониззі Псла / О.Б. Супруненко, С.А. Скорий // Край. – Полтава: вид. ПП Татарінова В.С., 2011. – № 84 (90). – С. 6. – Рис. на с. 2.

Супруненко, Скорий, Шерстюк, 2011

Супруненко О. Б. Дослідження курганів на Нижньому Пслі / Супруненко О.Б., Скорий С.А., Шерстюк В.В. // АДУ 2010 р. – Київ-Полтава: вид. ІА НАНУ, ВЦ «Археологія», 2011. – С. 333-335.

Тахтай, 1928

Тахтай А. Археологічна робота Музею 1926-27 р. / А. Тахтай // Збірник, присвячений 35-річчю Музею. – Полтава: вид. ПДМ, 1928. – Т. 1. – С. 284-287.

Телегін, 1971

Телегін Д. Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу / Д. Я. Телегін // Археологія. – Київ : Наукова думка, 1971. – Вип. 4. – С. 3-17.

Телегін, 1991

Телегін Д. Я. Вартові тисячоліть: Монументальна антропоморфна скульптура далеких епох / Д. Я. Телегін. – Київ : Наукова думка, 1991. – 80 с.

Телегін, Потехіна, 1998

Телегін Д. Я. Кам'яні «боги» мідного віку України : Доповідь, прочит. авт. на міжнар. конф. «Кам'яні боги Європи» в м. Аоста, Італія, 1998 р. / Д. Я. Телегін, І. Д. Потехіна. – Київ : вид. УТОПІК, 1998. – 46 с., 1 вкл.

Титова, 1982

Титова Е. Н. Об интерпретации и хронологии композиций со ступнями из Каменной Могилы / Е. Н. Титова // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – Киев : Наукова думка, 1982. – С. 5-15.

Топоров, 1982

Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) / В. Н. Топоров // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. – Москва : Наука 1982. – С. 8-40.

Топоров, 1987

Топоров В. Н. Адити / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. – Москва: Сов. энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 45.

Топоров, 1987a

Топоров В. Н. Древо жизни / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. – Москва: Сов. энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 396-398.

Топоров, 1987б

Топоров В. Н. Индра / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. – Москва: Сов. энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 533-535.

Тощев, 2007

Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы / Г. Н. Тощев. — Запорожье: изд. Запорож. НУ, 2007. — 304 с.

Формозов, 1963

Формозов А. А. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-следовики / А. А. Формозов // Сов. этнография. — Москва : Изд-во АН СССР, 1963. — № 5. — С. 111-137.

Формозов, 1965

Формозов А. А. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья / А. А. Формозов // Сов. этнография. — Москва : Изд-во АН СССР, 1965. — № 6. — С. 177-182.

Формозов, 1966

Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР / А. А. Формозов. — Москва : Наука, 1966. — 128 с.

Формозов, 1969

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству / А. А. Формозов. — Москва : Наука, 1969. — 255 с.

Формозов, 1973

Формозов А. А. Нальчикский курган / А. А. Формозов // Вопросы истории. — Москва, 1973. — № 12. — С. 209-212.

Формозов, 1980

Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР / А. А. Формозов / Изд. 2-е, доп. и пер. — Москва : Наука, 1980. — 136 с.

Фролов, 1982

Фролов Б. А. Астральные мифы и рисунки / Б. А. Фролов // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. — Москва : Наука 1982. — С. 41-58.

Чердниченко, 1976

Чердниченко Н. Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы / Н. Н. Чердниченко // Энеолит и бронзовый век Украины : сб. науч. ст. — Киев : Наукова думка, 1976. — С. 135-150.

Чеченов, 1970

Чеченов И. М. Гробницы эпохи ранней бронзы в г. Нальчике / И. М. Чеченов // Сов. археология. — Москва : Наука, 1970. — № 2. — С. 109-124.

Чеченов, 1973

Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница : (III тыс. до н.е.) / И. М. Чеченов. — Нальчик : Ельбрус, 1973. — 68 с.

Чмыхов, Довженко, 1987

Чмыхов Н. А. О древнейшем индоиранском компоненте в сложении скифской монументальной скульптуры / Н. А. Чмыхов, Н. Д. Довженко // Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. — Киев : Наукова думка, 1987. — С. 130-140.

Шапошникова, Фоменко, Балушкин, 1977

Шапошникова О. Г. Курганная группа близ с. Старогорожено / О. Г. Шапошникова, В. Н. Фоменко, А. М. Балушкин // Древности Поингуля. — Киев : Наукова думка, 1977. — С. 99-145.

Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986

Шапошникова О. Г. Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант) / О. Г. Шапошникова, В. Н. Фоменко, Н. Д. Довженко // САИ. – Киев : Наукова думка, 1986. – Вып. В 1-3. – 160 с.

Шерстюк В.В., Шерстюк І.В., 2006

Шерстюк В. В. Козацькі кладовища на курганах Полтавщини / В. В. Шерстюк, І. В. Шерстюк // Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції «Інноваційні технології у наукових дослідженнях і навчальному процесі вищого закладу освіти». 20-21 квітня 2006 року. – Полтава: вид. Полтав. Ін-ту економіки і права, 2006. – Т. 1. – С. 147-150.

Шилов, 1977

Шилов Ю. О. Перший та четвертий старосільські кургани / Ю. О. Шилов // Археологія. – Київ: Наукова думка, 1977. – № 22. – С. 48-65.

Шилов, 1982

Шилов Ю. А. Календарная символика и хронология кеми-обинских погребений из кургана № 1 у с. Староселье / Ю. А. Шилов // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – Киев : Наукова думка, 1982. – С. 29-38.

Шилов, 1987

Шилов Ю. А. Человеческие жертвоприношения и антропоморфные символы в причерноморских курганах III – II тыс. до н.э. / Ю. А. Шилов // Религиозные представления в первобытном обществе / ТДК. – Москва, 1987. – С. 165-167.

Шилов, 1990a

Шилов Ю. А. Проблема формирования ариев в свете обрядов Мариупольского, Старогороженского и др. могильников / Ю. А. Шилов // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / ТДК. – Куйбышев, 1990. – С. 89-91.

Шилов, 1992

Шилов Ю. А. Фёдоровский идол и семантика костяных пряжек раннесрубного периода / Ю. А. Шилов // АЗ ПКМ. – Полтава : изд. ПКМ, 1992. – Вып. 1. – С. 18-28.

Шилов, 1995

Шилов Ю. А. Прародина ариев: История, обряды и мифы / Ю. А. Шилов. – Киев : СИНТО, 1995. – 744 с.

Шилов, 1995a

Шилов Ю. А. Арийские святилища и курганы из устья Псла / Ю. А. Шилов // ПАЗ. – Полтава : Полтавський літератор, 1995. – Число 3. – С. 37-41.

Шилов, 2007

Шилов Ю. А. Курганные древности окрестностей Комсомольска / Ю. А. Шилов. – Киев : Аратта, 2007. – 72 с.

Штернберг, 1936

Штернберг Л. Я. Первобытная религия / Л. Я. Штернберг. – Ленинград : Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. – 573 с.

Щепинский, 1961

Щепинский А. А. Соляные изображения эпохи бронзы из Крыма / А. А. Щепинский // Сов. археология. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – № 2. – С. 227-231.

Щепинский, 1963

Щепинский А. А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму / А. А. Щепинский // Сов. археология. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – № 12. – С. 38-47.

Щепинський, 1971

Щепинський А. А. Кемі-обинська культура / А. А. Щепинський // Археологія Української РСР. – Київ : Наукова думка, 1971. – Т. 1. – С. 258-263.

Щепинський, 1973

Щепинський А. О. Антропоморфні стели Північного Причорномор'я / А. О. Щепинський // Археологія. – Київ : Наукова думка, 1973. – № 9. – С. 21-28.

Gimbutas, 1991

Gimbutas M. The Civilization of the Goddess / M. Gimbutas. – San Francisco, 1991. – 390 p.

Gimbutas, 1997

Gimbutas M. The Kurgan Culture and the Indo Europeanization of Europe / M. Gimbutas.

– Washington, 1997. – 404 p.

Telegin, 1987

Telegin Dmitrij J. Über Kulturelle Kontakte zwischen der Neoäneolithischen Bevölkerung des Nord Pontischen Gebretes und der Balkan – Donauregion / Dmitrij J. Telegin // Hugelbestattung in der Karparten donan : Balkan zone Während der äneolithischen periode. – Beograd, 1987. – S. 37-44.

Telegin, Mallory, 1994

Telegin D. Ya. The Anthropomorphic Stelae of the Ukraine : The Early Iconography of the Indo-Europeans / D. Ya. Telegin, J. P. Mallory // Journal of Indo European Studies Monographh. – Washington : The Institute for the Study of Man, 1994. – № 11. – 134 p.

Harrison, 2004

Harrison Richard J. Symbols and Warriors. Images of the European Bronze Age / Richard J. Harrison. – Briston, England : Western Academic & Specialist Press Limited, 2004. – 360 p.

РЕЗЮМЕ

В работе анализируется уникальный археологический комплекс, исследованный в правобережном Приорелье, на территории современной Полтавской области, — Фёдоровский курган и найденный у его подножия Фёдоровский идол. Это единственный изученный археологически курган по течению правобережного притока Орели — р. Орчика, который также является пока единственным культовым комплексом эпохи раннего бронзового века на территории Полтавщины, раскопанным в последней четверти XX ст.

Курган находился в 1,35 км к юго-востоку от села Фёдоровка Карловского района Полтавской области, располагаясь на возвышении второй террасы левого берега р. Орчик. В 1973 г. в 35-50 м от насыпи была обнаружена стела с богатой иконографией эпохи раннего металла, известная ныне как Фёдоровский идол. Высота кургана составляла 1,32 м, его диаметр — 38 м. В стратифицированной насыпи обнаружены остатки пяти погребений и одной культовой ямы, отдельные обломки лепной керамики и костей животных. Как показали исследования, насыпь кургана сооружалась в два приёма.

Первичная насыпь высотой 0,95 м и диаметром 22 м была возведена над основным «погребением» 5 — ямно-катакомбной ямой-кенотафом «стоповидной» (или близкой к антропоморфной) формы, размером 1,55 x 2,10 м, ориентированной по оси северо-восток — юго-запад. Яму широким кольцом окружал черноземно-суглинковый выкид. На древней поверхности, в основании выкида, выявлены части грудных позвонков лошади и позвонок овцы; под массивом выкида — кость фаланги лошади. На поверхности выкида встречались обломки мелких костей животных и угольки. Заполнение ямы выделялось преобладанием чернозема значительной плотности. Видимо, в древности она была хорошо утоптана после засыпки. Остатков перекрытия не выявлено, как и остатков погребенного и каких-либо находок. К юго-западной стенке этой ямы примыкало круглое в плане материковое углубление, диаметром 1,0 м, также опущенное с уровня древнего горизонта на глубину 0,97 м. Его

стенки плавно сужались книзу, переходя в округлое дно. В заполнении чередовались прослойки чернозема и суглинка толщиной 3-5 см, на поверхности которых отмечались следы увлажнения в виде затеков. Обе ямы составляли единый ритуальный комплекс.

Контуры насыпи I хорошо прослеживались, отличаясь окраской чернозема, утоптанностью поверхности, наличием белесого тлена растительности, тонкой прослойкой суглинкового натопта от выкида впускного «погребения» 3. Поверхность была сплошь усеяна мелкими комочками охры, угольками, измельчёнными костями животных. Тут обнаружены фрагменты костей лошади, а также изделие из трубчатой кости животного в виде расширяющейся к основанию трубочки, – деталь музыкального инструмента типа «флейты Пана» или же приспособление для увеличения надоев молока. У пол насыпи I выявлены мелкие обломки стенок лепных сосудов катакомбной культуры, имевшие примесь ракушки и песка в тесте, а вокруг неё был сооружен ровик шириной 0,4-0,8 м и глубиной до 0,4 м. У восточной полы первичной насыпи обнаружены следы небольшого деревянного столбика, возможно, предназначавшегося для шеста.

Насыпь кургана с совершением катакомбного «погребения» 3 подсыпалась, в результате чего получила близкие к современным очертания (насыпь II). В её массиве выявлены позвонки лошади. Поверхность насыпи II, особенно на склонах, была покрыта слоем материкового суглинка, сохранившего следы непродолжительного обжига в большом кострище. Склоны кургана были укреплены от расползания вязкой суглинковой «обмазкой» – конструктивным приёмом, применявшимся в катакомбных насыпях, к примеру, в Днепровской Левобережной террасовой лесостепи низовьев Псла.

«Погребение» 3 впущено в массив насыпи I до уровня 2,39 м. Входной колодец – подовальной в плане формы, размером 0,8 x 1,3 м (северо-восток – юго-запад), с полого спускающимся к юго-востоку дном и отвесными стенками. К северо-западу от входной ямы, на поверхности насыпи I, располагался утоптаный суглинково-черноземный выкид, мощностью 0,3 м. От юго-восточной стенки входной ямы начинался дромос с лазом 0,45 x 0,85 м, который тремя пологими ступеньками соединялся с полукруглым сводом и стенкой погребальной камеры. Камера представляла собой подпрямоугольное в плане сооружение, вырытое в материке, размером 1,1 x 2,2 м (площадь – 2,4 кв. м), сооруженное по линии северо-восток – юго-запад. Обращённые к югу углы камеры были закруглены, к северу – почти прямоугольны. Высота камеры от ровного дна составляла около 0,65 м. Поверхность стен была выровнена и покрыта мелкими ямками от ударов землеройного инструмента. Общая площадь погребального сооружения не превышала 4 кв. м. В заполнении входа преобладал чернозем; ниже находилась дерновая «пробка»,

перекрывавшая лаз. На дне входного колодца и камеры, а также на первой ступеньке дромоса прослежена посыпка мелом.

В погребении-кенотафе никаких находок и остатков скелета человека не обнаружено. Вероятнее всего, сооружение так и не предназначалось для совершения конкретного погребения. Из заполнения входного колодца происходят позвонки и таранная кость лошади.

Функционирование срубного могильника в верхней части насыпи, включавшего в целом ординарные захоронения 1, 2, 4 и 6, сопровождавшиеся развалами лепных сосудов и следами кострищ, «завершило» окончательный этап использования кургана в степном Поорелье в качестве некрополя и культового комплекса

На вершине насыпи II кургана, вероятно, ближе к финалу катакомбного времени, было установлено антропоморфное изваяние, известное как Фёдоровский идол. Ритуальные действия со стелой привели впоследствии к её повреждению и «погребению» у полы насыпи.

Фёдоровский идол – яркий образец древнего монументального искусства, принадлежащий к группе стел с богатой иконографией эпохи раннего металла. Стела изготовлена из плиты песчаника подпрямоугольной формы, сужающейся книзу. Высота её – 133 см, наибольшая ширина в плечах – 51 см, в нижней части – 30 см, толщина – 15-21 см. Лицевая и оборотная стороны – плоские, боковые – закруглены. Поверхность местами повреждена, детали изображений в отдельных случаях невыразительны.

Изображениями покрыта верхняя часть скульптуры. Нижняя утолщена и грубо обработана. Вытянутая форма, сужающийся конец и отсутствие рисунков на нём свидетельствуют о том, что стела устанавливалась в грунте в вертикальном положении, будучи основным элементом алтарного комплекса. Рисунки, нанесенные на изваяние, исполнены при помощи орудия в виде зубильца, с дальнейшей подшлифовкой поверхности скульптуры. Голова и правое плечо стелы отбиты в древности.

На прямом левом плече скульптуры рельефом исполнен рисунок, передающий фестончатый накладной элемент одежды или татуировку на теле человека. Изображения, размещённые ниже, отделены от выступа головы и плечей поперечной канавкой. В верхней части лицевой плоскости заметны следы рельефного валика, который отделял выступ головы от других изображений. Почти на уровне груди стелу пересекает прямая канавка, сходная с разделяющей полосой на идоле из Чобручи в Молдове. Изображения рук, согнутых в локтях, занимающих и боковые стороны стелы, переданы в технике выпуклого рельефа, как и все остальные рисунки лицевой плоскости. Они согнуты в локтях и сложены на груди кистями вверх на одном уровне. Кисть левой руки расправлена, правой – стерта. По типу изображений рук и других иконографических элементов такой «антропоморфный сюжет» сближает лицевую сторону

Фёдоровского изваяния с группой статуй так называемого натальевского типа Орельско-Самарского междуречья.

От кисти правой руки отходит изображенная боевой частью вниз стрела или дротик с коротким древком. Выше левой руки расположен неустановленный предмет в виде рельефного валика, в целом похожий на тетиву простого лука, изображение которого не сохранилось. Ниже, параллельно рукам, находятся контуры брюшной диафрагмы, переданные рельефным валиком.

В центре расположена сцена при участии человека и животного. Человек изображен с поднятыми вверх руками. Голова показана в виде округлого выступа, переданы стопы ног, а также хвост в виде прямой палки и выступ фаллоса. Фигура человека повернута в сторону животного, изображенного в профиль, с опущенной головой и длинным хвостом. Под ним – круглое углубление, обрамленное рельефным валиком.

За рельефно обозначенным поясом, проходящим через все стороны стелы, находится вислообушный топор. Обух топора повернут к центру изваяния, лезвие расширенное, его свисающая лопасть обращена влево вниз, конец рукоятки, пройдя через втулку, выступает над лобовой частью.

На обратной плоскости стелы, над поясом, находится изображение так называемого древа жизни, исполненное в технике углубленного рисунка. Оно представляет собой основную полосу-ствол, от которой к боковым сторонам отходят под углом вверх выгравированные параллельные линии: слева – 13, справа – 14. Рядом расположено изображение предмета в виде палки, с поперечными насечками сверху – посох-гирлыга. Расположенное вдоль продольной оси стелы древо жизни находит завершение в изображении дугообразного углубления в виде ягодичной области человека. Пояс пересекают рисунки правой и левой стопы ног, носками вверх, оконтуренные канавкой. Они как бы «висят» на поясе, а не «заткнуты» за него, как на некоторых статуях с богатой иконографией.

На боковых сторонах стелы показаны полосы, являющиеся продолжением линий обратной плоскости, только изображенные сломанными, под углом к параллельным канавкам древа жизни. На поясе с правой стороны и на обратной плоскости – семь кольцевой формы углублений.

Изображения, нанесенные на стелу, имеют по иконографии аналогии среди ряда скульптур эпохи раннего металла. А наличие рисунков (человек с хвостом и животное), расположение большинства изображений на стеле ставят скульптуру из Федоровки в ряд с таким уникальным памятником древнего монументального искусства, как Керносовский идол.

Приводятся многочисленные аналогии изображений Фёдоровского идола на стелах Северного Причерноморья, Подонья и Балкан, точки зрения исследователей в плане их атрибуции и интерпретации, аналогии подобных фёдоровскому восточнокатакомбных боевых топоров, та-

ких же орудий из ямно-катакомбных памятников и с территории Малой Азии.

Изображение человека с хвостом — мужчины с поднятыми вверх руками — рассматривается как фигура служителя культа — брахмана; помещенный рядом рисунок животного — как изображение коня. Расположенное рядом круглое углубление в виде пупка является антропоморфным «аксессуаром» идола — обнаженного мужчины, вид которого и передавал основной сюжет изваяния. По Д.Я. Телегину, стелы натальевского типа, с втянутыми в плечи головами и молитвенно поднесенными к лицу руками, со смирением и покорностью в скупых индивидуальных чертах, изображают служителей культа — шаманов (Телегин, 1991, с. 16). Их главной просьбой, обращенной в молитвах к духам и богам в скотоводческом обществе, было ниспослание скота. С обретением служителями культа особых знаний, избранием пути подвижничества, а, следовательно, отказа от пищи и аскезы, исследователи и связывают появление «истощённых» сюжетов на идолах из Керносовки, Натальевки, Фёдоровки, Новочеркаска и Сватова. Черты истощённого человека — рёбра, позвоночник, лопатки, наконец — копчик, с коим изображаются «хвостатые» служители культа, могли быть олицетворением брахмана-подвижника, обретшего высшее знание (символ — истощение).

«Шаманские», по мнению Л.П. Крыловой, сцены соития человека и животного на Керносовском идоле, изображение коня и человека с подчеркиванием их половой принадлежности, весьма хорошо согласуется с образом верховного мужского божества, изливающего семя дождя и способствующего силам размножения.

На обратной плоскости стелы помещены изображения контуров стоп ног человека. Распространено мнение о магическом и религиозно-космогоническом характерах подобных рисунков, интерпретируемых как вместилища душ умерших, реальное воплощение (аватара) дающего жизнь солнечного или же символы верховного мужского божеств типа бога-героя Индры — Вишну — Геракла.

Изображения стоп на Фёдоровской стеле пересекают пояс, который рассматривается исследователями, вместе с рисунками топоров и посохов, как атрибут власти. Помещённый между контурами стоп пояс на стеле по вертикали пересекает и ствол символического древа жизни. Такие изображения, по мнению академика В.Н. Топорова, считаются одним из наиболее распространенных воплощений универсальных знаковых комплексов древности, которые символизируют пространственную структуру мира, а его тройное членение «отвечает представлениям о его динамической целостности» (Топоров, 1987а, с. 396-398).

Приводится гипотеза о календарных основах графики изображенного на идоле древа жизни и обосновывающие ее расчёты. К «сонму» религиозно-космогонических и прочих представлений древних творцов

Фёдоровского идола в определённой степени могут быть приобщены и свидетельства их воззрений на время, основы календаря, связанного с производственной календарно-обрядовой символикой кочевников эпохи раннего бронзового века.

Становление антропоморфного мужского образа в искусстве скотоводов Северного Причерноморья и Поднепровья совпало во времени с формированием и преобладанием патриархальных отношений, в котором мужчина обрёл особый статус. Оно сопровождалось также становлением ранних форм религии — культа предков, вождей, племенного божества, которые воплощались уже в чисто человеческих образах. Приведена мифологическая характеристика изображений идола и комплексов Фёдоровского кургана, высказанная Ю.А. Шиловым на основании отдельных разделов «Ригvedы» и более поздних «Брихадараньяка-упанишады» и «Джайминин-брахманы». По его мнению, повреждение Фёдоровского идола явилось завершением ряда обрядов, призванных «отправить» его посланником на небеса (Шилов, 1992, с. 18-26).

Федоровская стела — видимо, одна из довольно ранних в Левобережных предстепиях скульптур «универсального» божества с телесными атрибутами человека (Штернберг, 1936, с. 38), близкого ведийскому Пуруше, считавшемуся «символом вселенной и законом существования... общества, первопредком всех людей, верховным родоплеменным божеством, своеобразным двойником знатного погребенного и проводником его души в мир бессмертных богов» (Чмыхов, Довженко, 1987, с. 138). Сюжетный ряд скульптуры связан также с образами ведических богов Индры и Вишну, сопутствующими им персонажами и атрибутами.

Среди группы стел с богатой иконографией идол из Фёдоровки выделяется значительным количеством изображений, уступая по обилию графики лишь стеле из Керносовки. А композиция при участии человека — служителя культа и коня как свидетельства приручения и использования последнего является уникальной.

Фёдоровское изваяние принадлежит к группе монументов-идолов, видимо, непосредственно не связанных с конкретными погребениями. Считается, что такие скульптуры располагались в центрах святилищ на курганах, связанных с культом племенного божества, соединяющего в себе функции культурного героя-демиурга, творца всего сущего, олицетворяющего небесные и атмосферные явления, связанные с культами небесных светил и явлений (солнца, дождя, грома) — гарантами благополучия скотоводов. На определённом этапе развития кочевых сообществ древности культ племенного бога конкретизировался в лице бога-воителя, подобного ведийскому Вишну-Индре и его первым воплощениям. Такие идолы могли устанавливаться на финальной стадии развития ямного населения, во время завершения господства катакомб-

ных племён, в среде которых зафиксированы подобные каменные топоры, деревянные посохи-гирлыги, изображения стоп на дне могил.

Фёдоровский курган также является уникальным памятником, сооружённым как святилище для проведения в жизнь обрядов, связанных с ответственными решениями в жизни местного, в основе своей ямного населения, как культовое сооружение для поклонения богу-страннику Индре (или Вишну). Такой курган, видимо, был сооружен под руководством брахманов, которые традиционно объединяли в пастушьем обществе религиозную и светскую власть, отражения чего присутствуют и среди изображений Фёдоровского идола.

Большинство антропоморфных стел Левобережного Поднепровья с отдельными элементами иконографии связываются исследователями с памятниками ямной и катакомбной культурно-исторических общностей. В настоящее время скульптуры с изображениями божеств считаются памятниками катакомбных или бабинской культур, как и изображённые за их поясами вислобушные топоры. Время их бытования соответствует финальному этапу развития в лесостепных и степных просторах Левобережья материальной культуры катакомбных племён и началу сложения древностей бабинской культуры (культуры многоваликовой керамики), одним из основных составляющих компонентов которой и было познеямное население Поднепровья. Хронологически использование в обрядах стелы может быть отнесено к концу XVIII – вероятнее всего, XVII вв. до н. э. Её появление во времени совпадает с военными походами позднекатакомбных племён в северо-восточном, южном и юго-западном направлениях, первыми контактами с населением Балкан, Микенского государства и Центральной Европы.

В работе также приводятся данные о новых находках стел с изображениями, выявленных на Полтавщине за последние годы, в частности, о группе стел из курганов в окрестностях г. Комсомольск, в нижнем течении р. Сухой Кобелячек. Наиболее выразительным памятником, близким к идолам финальной эпохи раннего бронзового века, является изваяние из с. Карповка Кременчугского района Полтавской области, описание, изображение и интерпретация которого завершают издание.

SUMMARY

The book deals with unique archaeological site: the barrow of Fedorovka and the *Fedorovsky idol* (the idol of Fedorovka), which was found on the skirts of the site. The site is situated in the area adjacent to the right bank of river Orel (Poltava Region, Ukraine). It is only the barrow in area of the river Orchyk (the right tributary of Orel) made subject of archaeological study, as well as yet only studied the early Bronze Age cult complex in the Poltava Region.

The barrow was situated in 1,35 km (0,84 mile) towards South-West from village Fedorovka in the Karlovka District in the Poltava Region, on height of the second terrace of the left bank of river Orchyk. In 1973, not far from the barrow, there was discovered a stele, richly decorated with iconography, which was dated back to the early Iron Age. The stele is known today as the *Fedorovsky idol*. The barrow is 1,32 m (4,33 ft) high, 38 m (124,6 ft) in diameter. In the stratified embankment were found remains of five graves and a cult pit, some fragments of pottery, bones of animals. The study shows that the barrow embankment was built in two stages.

The initial embankment (Embankment I), 0,95 m (3,11 ft) high, 22 m (72,1 ft) in diameter, covered the main 'grave' 5. It is a cenotaph in form of a foot (close with anthropomorphic). The size of the cenotaph is 1,55x2,1 m (5,08x6,88 ft). It is orientated on axes North-East and South-West. The cenotaph is surrounded with black earth and loam dump. At the base of the dump, on the ancient surface, were found parts of pectoral vertebrae of a horse and a sheep. Under the dump massive was found horse phalanx. On the surface of the dump were found some fragments of small bones of animals and small pieces of coal. The pit was filled up with black earth of significant density. It is probable that in ancient times it was beaten hard right after the filling up. There were found neither remains of any buried one, nor any other finds. There was a hollow in the South-Western wall the cenotaph, through which it was connected with a round in plan hole. The hole was 1 m (3,3 ft) in diameter, and 0,97 m (3,18 ft) down the ancient horizon. The walls of the hole grow narrow downwards, turning gradually into a round bottom. There is alternation in the hole filling: black earth and loam. The layers of loam are 3-5 cm (1-2 inches) thick. On the surface of the layers were some traces of leakages. Both pits: the cenotaph and the hole made a single ritual complex.

Outlines of the initial embankment are well traced, being marked out with colour of black earth, beaten hard surface, whitish vegetable dust, thin layer of kneaded loam, taken out to make room for the inlet 'grave' 3. The surface was everywhere studded with little clods of ochre, small pieces of coal, crumbled bones of animals. There were found fragments of horse bones, and an item in a form of pipe, made of a tubular bone of an animal, which, supposedly, could be a part of a musical instrument, similar 'Pan's flute', or a device to increase the milk yield. Near the floor of the initial embankment were found fragments of the Catacomb culture pottery, with a touch of seashells and sand in the dough. The embankment was surrounded with shallow little ditch: 0,4-0,8 m (1,3-2,6 ft) wide, and 0,4 m (1,3 ft) deep. Near the Eastern skirts of the initial embankment were found remains of a little wooden post, which, supposedly, was used to put a pole.

The inlet of the 'grave' 3 caused crumbling of the barrow embankment. The crumbling result was the barrow outlines were reshaped very close to current state (Embankment II). In its massif were found horse vertebrae. The surface of the embankment, especially on its slopes, was covered with layer of continental loam, which retained remains of a big bonfire site. The slopes of the barrow were strengthened with boggy loam coating, which is peculiar to construction of the Catacomb culture embankments.

The 'grave' 3 inlet into massif of the first embankment till the level 2,39 m (7,84 ft). The inlet was under-oval in plan. Its size was 0,8 m (2,62 ft) towards North-East, 1,3 m (4,26 ft) towards South-West. The walls were sheer and the bottom was smoothly coming down towards the South-West. On surface of the first embankment Towards the North-West from the entrance pit, on the surface of the first embankment, there was detected hard beaten dump, 0,3 m (0,98 ft) thick. By the South-Eastern wall of the entrance pit was passage with 0,45x0,85 m (1,47x2,78 ft) manhole, tree steps of which was connected with vault and wall of the grave chamber. The chamber was a dug construction under-rectangular in plan, orientated the North-East and the South-West. Two chamber corners, faced southwards, were rounded, as other two, faced northwards were almost rectangular. The chamber, from the plane bottom, is about 0,65 m (2,13 ft) high. The wall surfaces were smoothed out and dotted with small hollows, left by a digging tool. The entire area of the construction was no more than 4 sq m (43,05 sq ft). The entrance was generally filed with black earth. Beneath, there was also a 'turf plug' to plug the manhole. At the bottom of the inlet and the chamber, as well as on the first step of the passage, there were detected some traces of chalk powdering.

There were neither human remains nor any other finds discovered in the cenotaph: as, supposedly, the construction was not intended for any concrete burial. The filling of the inlet contained vertebrae and ram bone of horse.

Necropolis, dated back to the Framework Time, marked the last stage of use of the barrow as necropolis and cult complex. The necropolis included quite ordinary graves 1, 2, 4, and 6, which were accompanied with fragments of pottery and traces of bonfire sites.

Nevertheless, on the top of the second embankment was set an anthropomorphic image, known as *Fedorovsky idol*. It was, supposedly, happened, by the end of the Catacomb Time. Ritual manipulations with the stele, eventually, brought to its damage and 'burial' on the skirts of the embankment.

The *Fedorovsky idol* is a unique exemplar of the ancient monumental art. It belongs to the steles with rich iconography, dated back to the early Iron Age. The stele is made of a rectangular, tapering downwards, piece of sandstone. It is 133 cm (4,36 ft) high, 51 cm (1,67 ft) wide 'in shoulders', 30 cm (0,98 ft) wide in the lower part, and 15-21 cm (0,49-0,68 ft) thick. The obverse and reverse of the idol are plane, as the sides are rounded. Polished surface is partly damaged, not all the picture details are well read and equally expressive.

Images cover the upper part of the sculpture. The lower part is thicker and worked up rather roughly. Stretched form, tapering, with no pictures, end witness the stele was set vertically into the ground. It was, supposedly, the most significant element of the altar complex. The pictures, covering the statue, made with a tool like a little chisel, with afterwards polishing the surface. The head and the right shoulder of the stele were broken off in ancient time.

On the left shoulder of the sculpture, there is an embossed picture in a form of a laid-on scalloped element of garment or a tattoo on a human body. The rest of pictures situated, situated below, separated from the head and shoulders protuberance with crosscut groove. In the upper part of the obverse plane can be seen traces of embossing roller, which separated the head protuberance from the rest of pictures. Almost on the level of breast, the stele is crossed with straight groove, which is similar to the dividing line on idol of Chobruchy in Moldova. The both sides of the stele are covered with images of arms. The arms bended in elbows are embossed, similarly to the rest of pictures on the idol obverse. The arms are bent in elbows and folded on the chest with turned up hands at the same level. The left hand is open. The picture of right hand is effaced. The images: hands and other iconographical elements, such an 'anthropomorphic plot', brings the *Fedorovsky idol* obverse closer together the statues of so-called 'Natalievsky' type of the Orel and Samara interfluve.

From the right hand proceed, turned downwards, either an arrow or a javelin with short shaft. Above the left hand, it is situated an unspecified object, in form of a relief roller, resembling to string of a simple bow, the picture of which have been lost. Lower, parallel to hands, are outlines of abdominals.

At the very centre of the stele is a scene with a man and an animal. The man is depicted with hands lifted up. His head is depicted as a round projection, feet are also shown. The image peculiarity is a straight tail and outline of male genitals. The man is turned towards the animal, which is depicted turned in profile, with its head down and a long tail. Beneath, under the man and the animal, is a round hollow, enframed with relief roller.

In the belt (encircling the idol) on obverse of the stele is a lop-butt axe. The axe butt is turned towards the centre of the sculpture. The blade is wide, it is pendent left and downwards, the end of helve, put through bush, appear over its front.

At the backside of the stele, under the belt, is picture of so-called the *tree of life*, performed in the deep relief work. The tree appears as the main feature-trunk, from which are proceeding the branches: upward at an angle engraved parallel lines, coming towards the sides: 13 towards the left side and 14 towards the right. Beside it, there is situated a picture of item in a form of a stick with crosscuts in its upper side, similar to a *shepherd's crook*. Set along the longer axis of the stele, the tree of life ends in picture of an arched hollow in form of man's buttocks. On reverse plane of the stele the belt is crossed with images of right and left feet with toes turned upward, which are outlined with groove. They are rather looking pendent on the belt, but not 'in the belt', as in some steles with rich iconography.

On the sides of the stele are shown lines, which are the continuations of the lines of the reverse, but depicted broken, at angle to the parallel grooves of the tree of life. From the right side of the belt and the reverse, there are seven round hollows.

The stele pictures found iconographical analogies among the sculptures of the early Iron Age. The pictures of a 'tailed man' with an animal, composition of the most pictures upon the stele rank the sculpture of Fedorovka with such a unique exemplar of the ancient monumental art as the *Kernosovsky idol*.

Here are given numerous analogies of the pictures of Fedorovsky idol with steles of the Northern area of the Black Sea, the area of the river Don and Balkans, with their attribution and interpretations, made by different scholars. It is also given analogies of the axes of war from the sites of the Pit and the Catacomb Times and from the territory of the Asia Minor, similar to that of Fedorovka.

The picture of the tailed man with lifted up hands is considered as a figure as a figure of a minister of religion: priest or Brahman; picture of an animal, placed beside, as the picture of a horse. The round hollow, placed beside, in navel form is anthropomorphic 'accessory' of the idol: nude man, whose appearance is the main theme of the sculpture. After D.Y. Teleghin, on the steles of the 'Natalievsky' type, in scarce individual features: head into shoulders, praying hands or hands lifted to face with humility and submission, there were depicted the ministers of religion – shamans. The most essential supplication they were pleading gods, ghosts and demons in the cattle-breed society, was the prayer for increase of the cattle. As much as priests got mysterious knowledge, as much they plasticised ascetic life. One of the widespread ascetic practices is refuse of food for ascetic reasons. Scholars believe that it was exactly the reason for appearance of so-called '*exhausted ones*' pictures on idols of Kernosovka, Natalievka, Fedorovka, Novocherkassk and Svatovo. The features of exhaustion: prominent ribs, spinal column, shoulder-blades, tailbone, with which so-called 'tailed priests' are depicted; all this, supposedly, are representation of the Brahman-ascetic, possessor of the higher knowledge (symbol of which is the exhaustion).

After L.P. Krylova, the *shaman scenes* of a man and an animal coition on the Kernosovsky idol, pictures of a man with horse with emphasis on their genitals, is well agreed with the image of the highest masculine deity, pouring out the seed of rain to grant the reproductive power.

On the reverse of the stele are the depictions of human feet outlines. There is an opinion on magical, religious and cosmological character of such pictures, interpreted as a receptacle of the soul of deceased, incarnation (avatar) of the life-giving solar god, or a symbol of the highest masculine deity, similar to god-hero Indra-Vishnu, Hercules, etc.

The feet on the Fedorovsky idol cross the belt. The belt is normally considered by scholars, together with axe and stick (sceptre), as an attribute of power. Placed between the feet outlines, the belt vertically crosses the trunk of the symbolical *tree of life*. After V.N. Toporov, such pictures are considered as 'one of the widely spread embodiments of the universal signal complexes' of the ancients: symbolic representation of the world space structure, and the threefold division of it, which corresponds to the idea of its dynamic totality.

It is stated hypothesis on the calendar basis of the 'tree of life', depicted on the idol; and made some calculations to prove it. To the religious, cosmogonic and other ideas of the ancient makers of the Fedorovsky idol, in some measure, may be added evidences of their views on time, principles of calendar, connected with the productive, calendar and rite symbols of nomads of the early Bronze Age.

Genesis of the anthropomorphic masculine image in the art of the cattle-breeders of the Northern area of the Black Sea and area adjacent to the river Don concur with forming and domination of the patriarchal relations, in which man obtains an exclusive status. It was also accompanied with genesis of the early forms of religion: cult of ancestors, leaders, tribe deity, which found their embodiment yet in the absolutely human images. It is given mythological characteristic of the idol pictures and the Fedorovsky barrow complexes, stated by Y.A. Shylov, based on some parts of the *Rig-Veda* and the latter Vedic literature. After Shylov, the damage of the Fedorovsky idol was caused by ritual activities, intention of which, obviously, was to 'send' it as a messenger to Heaven.

The stele of Fedorovka is, supposedly, one of the earliest in the Left-bank Dnieper foreststeppe the universal deity sculptures with bodily attributes of man, close with Vedic Purusha: the symbol of the Universe, law for social existence, ancestor of men, the highest deity of tribe, some 'alter ego' of deceased and its guide to the world of immortal gods. The plot of the sculpture is connected with such Vedic gods as Indra and Vishnu, personages and attributes associated with them.

Among the steles with rich iconography, the idol of Fedorovka is notable for its significant number of pictures, yielding on the abundance of graphics only to the stele from Kernosovka. And the composition of a man-priest with a horse, as an evidence of the domestication and use of the last, is unique.

The Fedorovsky idol belongs to the group of monument-idols, which was, supposedly, not connected with any concrete graves. It is supposed that such sculptures were placed as a central element of sanctuary in barrow tops, connected with cults of the tribe deity, merging in itself functions of a cultural hero and the demiurge, creator of everything, personification of celestial and atmospheric phenomena, connected with cults of the celestial lights and phenomena, upon which cattle-breeder's prosperity depends. In some stage of development of ancient nomadic societies, the cult of god the patron of the tribe was personified as a god the warrior, similar to the Vedic Indra-Vishnu, and the first avatar of it. Such idols could be placed during the final stage of development of the Pit society, about the end of domination of Catacomb tribes, who had such stone axes, wood shepherd's crooks, foot images in the grave bottoms.

The Fedorovsky barrow was also a unique site, constructed as a sanctuary for rituals, connected with important decisions in life of the local people of the Pit Time, as a cult construction for worship the god-nomad Vishnu (or Indra). Such barrow, supposedly, was constructed under the guidance of Brahmans, who in the society of shepherds traditionally possessed both religious and secular authorities, reflections of such their position could be found and among the pictures of the Fedorovsky idol.

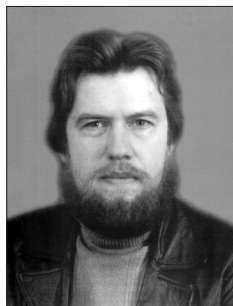
Most of the anthropomorphic steles of the Left-bank area of Dnieper, with some elements of iconography, is connected by scholars with the sites of the Pit and the Catacomb cultural and historical communities. Today, the sculptures with the pictures of deities are considered as belonging to the Catacomb (Babynska) culture, together with the lop-butt axes, depicted in their belts. Their time was the time of the final stage of development (in the forest-steppe and the steppe area adjacent to the left bank of Dnieper) of the material culture of the Catacomb tribes and the beginning of the Babynska culture (the Culture of the multi-roller ceramics), one of the main components of which was the people of the late Pit culture in the area adjacent to the left bank of the river Dnieper. The use of the stele in cult practices should probably be dated back to the eighteenth and the seventeenth centuries B.C. Its appearance concurs with military actions, taken by the late Catacomb tribes in the Northern-Eastern, Southern and South-Western directions, first connections with Balkan people, Mycenae and the Central Europe.

The book is also containing the data about new finds of steles with pictures, found in the Poltava Region during the recent years: in particular, about the group of steles from environs of Komsomolsk in the low flow of the river Sukhoi Kobelyachok. The most expressive exemplar, close with the idols of the final stage of the early Bronze Age, is the sculpture of Karpovka in the Kremenchug district in the Poltava Region, the description, picture and interpretation of which completes the book.

ОБ АВТОРЕ

Супруненко Александр Борисович (01.05.1957, г. Полтава) – известный украинский археолог, историограф и музеевед, издатель, кандидат исторических наук (1997), старший научный сотрудник (2000), заслуженный работник культуры Украины (2003).

Окончил среднюю школу № 7 г. Полтава с золотой медалью (1974), исторический факультет Полтавского государственного педагогического института им. В.Г.Короленко (1978). Старший научный сотрудник (1978-1981), заведующий сектором археологии фондов (1981-1988), заведующий научно-исследовательским отделом археологии (1988-1990), заместитель директора по научной работе (1990-1993) Полтавского краеведческого музея. Начный редактор и соредатор большинства изданий музея. В 1993-2008 гг. – директор Центра охраны и исследований памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации, с февраля 2008 г. – ведущий научный сотрудник этого же учреждения. С 2005 г. – заместитель директора ГП «Научно-исследовательский центр «Охранная археологическая служба Украины» Института археологии НАН Украины по Полтавской обл., начальник Полтавской археологической экспедиции, член Полевого комитета Института археологии НАН Украины.

Главный редактор научного журнала «Археологічний літопис Лівобережної України» (1997-2009 гг. – 25 отдельных и спаренных выпусков), руководитель Издательского центра «Археологія» (1995-2008 гг. – 135 изданий), ответственный секретарь Полтавского научного общества краеведов (1991-2002 гг.), член правления «Полтавської спілки літераторів» (1992-2000 гг.) и Главного Совета Украинского Общества охраны памятников истории и культуры (с 2001 г.).

Автор более 1300 научных и публицистических работ по археологии, истории археологии, историографии, музееведению, источниковедению, краеведению, энциклопедических статей, в т.ч. 43 монографических и коллективных монографических исследований, каталогов и учебников.

Научный редактор 120 научных и краеведческих изданий, организатор более 30 научных конференций, семинаров международного, всеукраинского и регионального уровней.

Исследователь курганных памятников эпох энеолита, бронзы, скифского времени и средневековья, культурных наслоений славяно-русской и позднесредневековой Полтавы, организатор научно-спасательных археологических работ в Полтавской области.

Награждён Почетной грамотой Кабинета Министров Украины (1999). Лауреат областной премии им. Самийла Величка (2004) и всеукраинской премии им. Викентия Хвойки (2009). Инициатор чествования 1100-летия Полтавы по данным археологических исследований (1997-1999).

Осн. тр.: «Археологические памятники Карловского района Полтавской области» (Полтава, 1990); «Археолог Олександр Тахтай» (Полтава, 1991 – в соавт.); «Федір Камінський (1845-1891): Наукова та епістолярна спадщина» (Полтава, 1992 – в соавт.); «Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла» (Москва-Полтава, 1993 – в соавт.); «Курганы Нижнего Поворскля» (Москва, 1994); «Подвижники українського музейництва» (Полтава, 1995); «Кургани біля с. Карпусі під Полтавою» (Полтава, 1996 – в соавт.); «Наукова концепція державного археологічного заповідника “Більське городище скіфського часу”» (упорядн., наук. ред., авт. – Полтава, 1996); «На землі Полтавській: Пам’ятки археології Полтави та околиць» (Полтава, 1998); «Більське городище» (Київ-Гамбург-Полтава, 1999 – в соавт.); «Полтава: Історичний нарис» (наук. ред. та авт.) (Полтава, 1999 – у скл. кол. авторів); «Археологія в діяльності першого приватного музею України: Лубенський музей К.М.Скаржинської» (Київ-Полтава, 2000); «Исторические личности эллиноскифской эпохи (культурно-политические контакты и взаимовлияния)» (Киев-Комсомольск, 2003 – в соавт.); «Старожитності Кременчука: Археологічні пам’ятки території та округи міста» (Полтава-Кременчук, 2004 – в соавт.); «Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя» (Київ-Полтава, 2004 – в соавт.); «Пізньюскіфські та пізньюзарубинецькі старожитності Полтавщини» (Київ-Полтава, 2005 – в соавт.); 8-ми изданий сериі «Старожитності околиць Комсомольська» (Київ-Полтава и Киев, 2005-2011 – авт. и в соавт.); «Малоперещепинський «скарб» (Полтава, 2005); «3 історії археологічних досліджень на Полтавщині: Короткий нарис» (Київ-Полтава, 2007); 3-х книг сериі «Дослідження посаду літописної Лтави» (Київ, 2009-2010 – в соавт.); «Селітроварницький стан на Більському городищі» (Київ, 2010 – в соавт.); «Кургани скіфського часу західної округи Більського городища» (Київ, 2010 – в соавт.), а также учебники: «Давня історія Полтавщини (XX тисячоліття до н.е. – V ст. н.е.)» (Полтава, 2004 – соавтор Белоусько А.А.) и «Середньовічна історія Полтавщини (VI – перша пол. XVI ст. н.е.)» (Полтава, 2005 – соавторы Белоусько А.А., Мироненко К.Н.) и пр.

Лит.: Мезенцева Галина. Дослідники археології України: Енциклопедичний словник-довідник. – Чернігів: Сіверян. думка, 1997. – С. 158; Хто є хто в Україні. – Київ: Вид-во «К.І.С.», 2004-2009. – С. 824; Олександр Супруненко – археолог, історіограф, музейник і видавець: Біобібліографічний покажчик / Укл. Гаврилюк Н.О. та ін. – Київ, 2007. – 164, VIII с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ	– Археологічні дослідження на [в] Україні, Київ, Запоріжжя
АЗ ПКМ	– Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею, Полтава
АЛЛУ	– Археологічний літопис Лівобережної України, Полтава
АН УРСР	– Академія Наук Української РСР, Київ
ВЦ	– Видавничий центр
ГИМ	– Государственный исторический музей Российской Федерации, Москва
ГУ	– Государственный университет
ЗОКМ	– Запорожский областной краеведческий музей, Запорожье
ІА НАНУ	– Інститут археології Національної Академії наук України, Київ
ІКМ	– Історико-краєзнавчий музей
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург
ІКЗ	– Історико-культурний заповідник
ІПК	– Издательско-полиграфический комбинат
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии, Москва-Ленинград
НА ІА НАНУ	– Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук, Київ
НА ПКМ	– Науковий архів Полтавського краєзнавчого музею, Полтава
НА ЦОДПА	– Науковий архів Центру охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації, Полтава
НУ	– Національний університет
НУКМА	– Національний університет «Кієво-Могилянська Академія», Київ
ОАМ	– Одесский археологический музей, Одесса
ПАЗ	– Полтавський археологічний збірник, Полтава
ПДМ	– Полтавський державний музей ім. В.Г. Короленка, Полтава
ПКМ	– Полтавський краєзнавчий музей, Полтава
ПУ	– Пам'ятки України, Київ
ПУСКУ	– Полтавський університет Споживчої кооперації України, Полтава
СА	– Советская археология, Москва
САИ	– Свод археологических источников, Москва
ТД	– тези доповідей, тези доповідей та доповідей
ТДК	– тези доповідей конференції, тези доповідей конференцій
ЦОДПА	– Центр охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації, Полтава
ЦП НАНУ	– Центр пам'ятокознавства Національної Академії наук України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури, Київ
УТОПІК	– Українське Товариство охорони пам'яток історії та культури, Київ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
1. Исследование кургана в правобережном Приорелье.....	7
2. Фёдоровский курган.....	11
3. Фёдоровский идол.....	23
4. Стелы на курганах Полтавщины (Вместо заключения)	44
Источники и литература	54
Резюме	67
Summary.....	74
Об авторе	80
Список сокращений.....	82

Наукове видання

Супруненко Олександр Борисович
ФЕДОРІВСЬКИЙ ІДОЛ ТА КУРГАН

Російська мова, резюме – англійська мова.

Оригінал-макет видання підготовлений в Центрі охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації 36011, Україна, м. Полтава-11, вул. Комсомольська, 37, т. (053-22) 2-26-12

На обкладинці:

Сучасний вигляд місця розташування Федорівського кургану.
Фото автора, 2011.

На 1-й с. обкл.: Лицевий бік Федорівського ідола. Фрагмент.
Фото С.К. Черпаченка, 2011.

На 4-й с. обкл.: На місці знахідки Карпівської стели в надзаплаві
Сухого Кобелячка. Зліва направо – учасники досліджень:
К.М. Мироненко, В.С. Полапа, О.В. Коротя, О.В. Сидоренко,
О.Б. Супруненко, В.В. Лямкін та І.М. Шевчук. Фото М.О. Радченка, 2007.

Відповідальна за випуск – *І.М. Кулатова*

Коректура – *авторська*

Фотознімки – *О.Б. Супруненка і М.О. Радченка*

Кресленики та рисунки – *В.М. Вадимова, Т.В. Менчинської та О.Б. Супруненка*

Технічний редактор – *С.В. Хорєв*

Комп'ютерна верстка – *С.В. Хорєв*

Переклад на англійську мову – *В.В. Чернишов*

Здано в набір 03.10.1995. Доповнення до набору 10.09.2011. Підписано до друку 21.09.2011.

Формат 70x100/16. Папір офсетний. Гарнітура Ньютон. Друк офсетний.

Обл.-вид. арк. 5,19. Ум. друк. арк. 6,83 + вкл. 0,33. Тираж 305 прим.

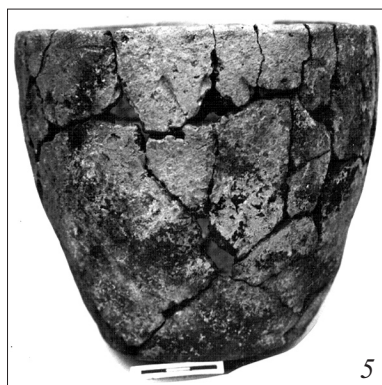
Вид. № 155. Зам. № 2/21-2011.

Віддруковано: ПП Видавництво «Друкарня «Гротеск»

тел. (053-2) 66-16-85

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДР № 255 від 22.11.2000 р.

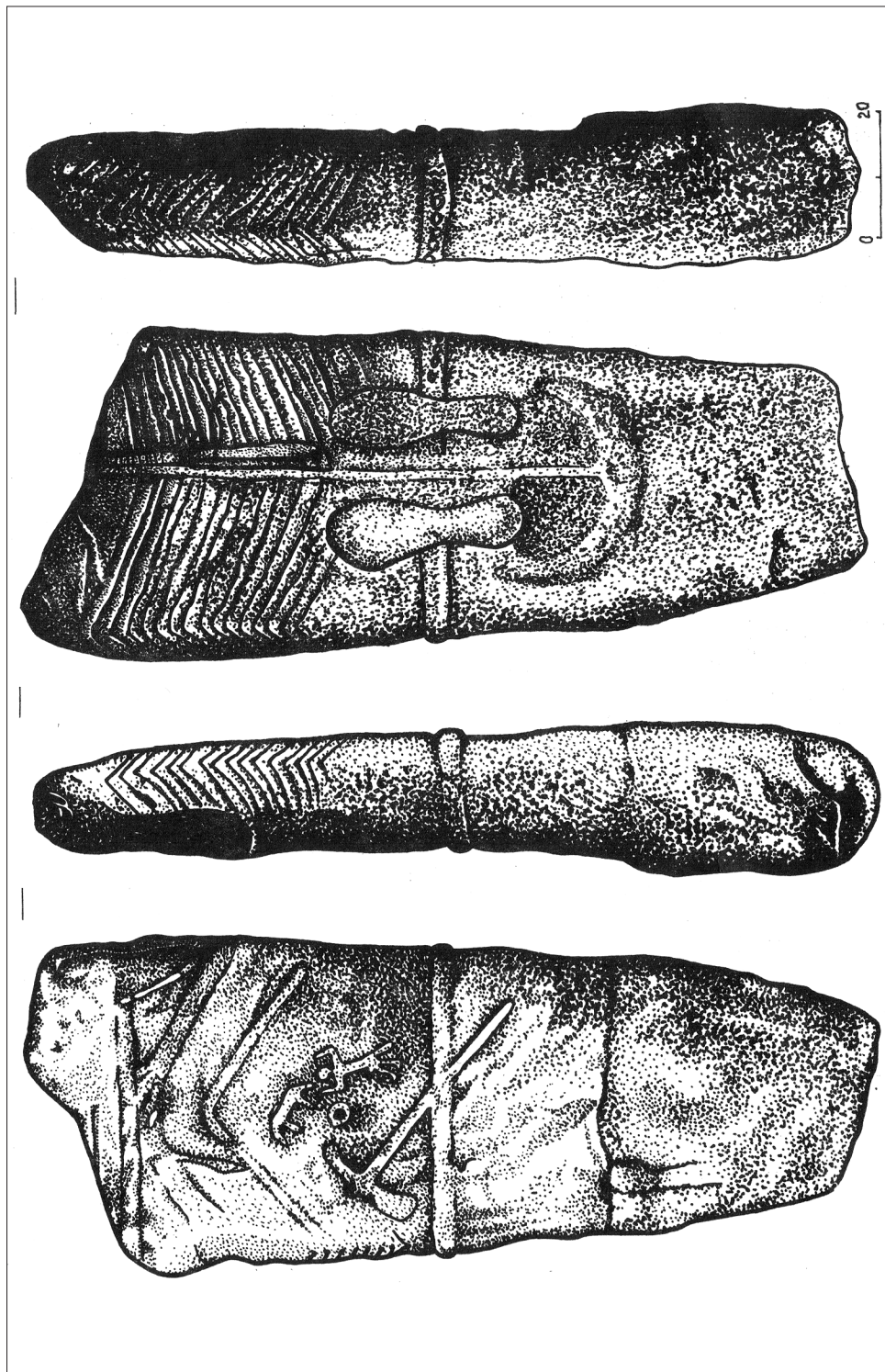

Исследования Фёдоровского кургана. 1988 г.

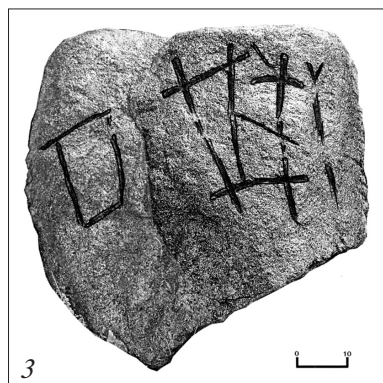
1. Курган перед началом раскопок. Вид с востока.
2. Лепной сосуд в погребении 1.
3. Погребение 1. Срубный горшок.
4. Погребение 2. Фрагмент.
5. Погребение 2. Лепной сосуд.
6. Погребение 3 и нора-сурчина. С востока.
7. Погребение 5. С востока — юго-востока.

Фёдоровский идол: лицевая, правая, обратная и левая стороны изваяния. *Песчаник.*

Изваяние из с. Карповка. Гранит.

1. Лицевая сторона. 2. Обратная сторона с протёртым прямым крестом. 3. Прорисовка изображений на лицевой грани. 4. Установка изваяния в скансене Комсомольского историко-краеведческого музея. Слева направо: К.Н. Мироненко, А.В. Коротя, А.В. Сидоренко, В.В. Лямкин, В.С. Полапа и А.Б. Супруненко. 2007 г.

Фёдоровский идол в экспозиции Полтавского краеведческого музея. 2011 г.
 1-2. Лицевая и обратная стороны изваяния. 3. Лицевая сторона. Фрагмент.
 4. Левая сторона. Деталь. 5. Обратная сторона. Фрагмент.

A.B.Suprunenko

THE IDOL AND THE BARROW OF FEDOROVKA

ISBN 978-966-8999-38-3

9 789668 999383